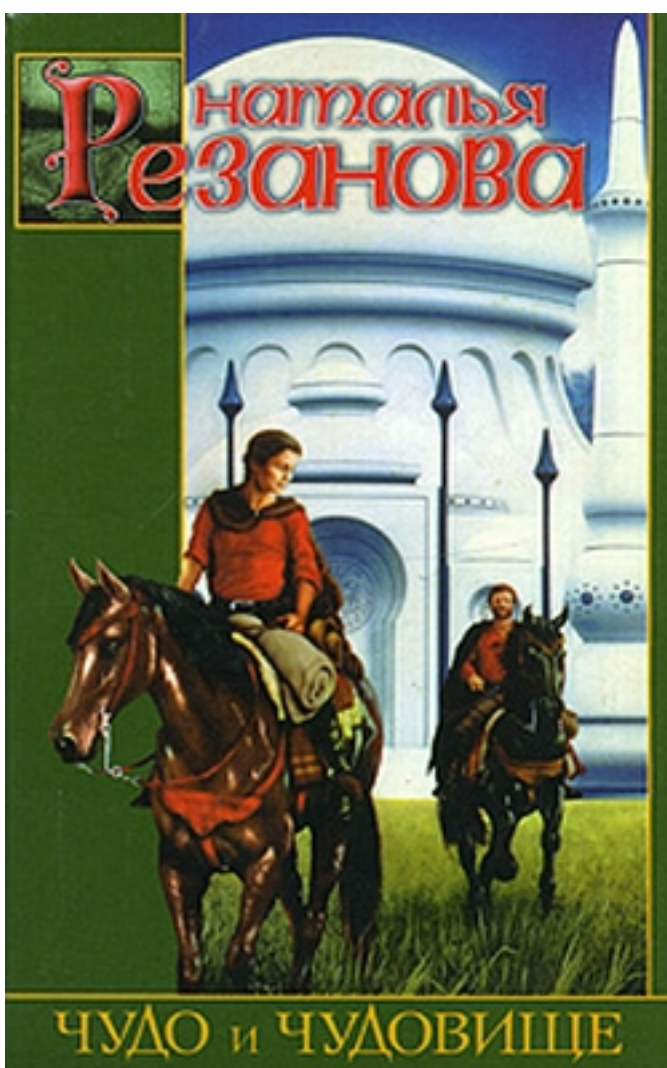

Наталья Владимировна Резанова

Чудо и чудовище

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162597

Аннотация

Древнее пророчество гласило – царская дочь будет править всеми землями Нира!
И, казалось бы, сами боги помогли предначертанному – ибо в храме, под покровом ночи, уродливая дочь царя стала Прекрасной.

Идут годы. Все прекраснее юная принцесса Далла. Но – странно – появляется внезапно в веселом городе Кааф ее соперница – юная предводительница бродяг и разбойников. Некрасивая, отчаянно смелая, постигшая тайны боевых искусств Дарда...

Две девушки отныне связаны загадкой странного пророчества, которое не разорвать и не изменить. И одной из них предстоит управлять судьбой мира...

Содержание

Пролог	4
КНИГА ПЕРВАЯ	9
ДАЛЛА	9
ДАРДА	17
ДАЛЛА	27
ДАРДА	45
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Наталья Резанова

Чудо и чудовище

... притом еще красавицей она стала из безобразной. Будучи дочерью богатых родителей, девочка отличалась ужасным безобразием, и ее кормилица, чтобы помочь беде, придумала вот какое средство (к тому же кормилица видела, что родители девочки печальятся из-за безобразия дочери). Она приносила ребенка каждый день в святилище Елены. () Принося ребенка в храм, кормилица всякий раз становилась перед кумиром богини и молила даровать девочке красоту. И вот, как рассказывают, однажды, когда кормилица уже покидала святилище, предстала ей некая женщина и спросила, что она носит на руках...

Геродот, «История», книга шестая, 61

Пролог

Когда стало известно, что княгиня Адина, благословенно будь чрево, носившее ее, и сосцы, ее питавшие, наконец собралась подарить супругу наследника, мало кто из жителей Маона не нашел времени, чтобы обсудить эту весть. А предсказание, сделанное Харифом-прорицателем, и вовсе всколыхнуло этот безбурный город.

Хариф не был посвящен в храмовые мистерии, и не приносил обетов никому из богов, хотя уверял, будто чтит их всех. Однако, несмотря на молодость, он уже приобрел определенную славу. Утверждали, будто предсказания его всегда сбываются, да и выражался он гораздо более точно и определенно, чем большинство оракулов, вещающих из-за окутанных дымом жертвенников. Поэтому жрецы солнечного Хаддада разрешали ему не только кормиться от жертвенных трапез и ночевать в клетушке, пристроенной к святилищу, но и говорить со ступеней храма, справедливо полагая, что бога это не прогневает, а народ привлечет. Фасад храма выходил на рыночную площадь, вход украшали две огромные фигуры быков, но быков не простых, а крылатых, и с бородатыми мужскими ликами. Бороды и крылья были из лазурита, а быки – из красноватого, как парное мясо, гранита. Из такого же гранита, только истертого сотнями и тысячами ног, была лестница, на которой стоял Хариф. И оттуда, под светом солнца и взглядами зевак, он бросил:

– Говорю вам: дитя, что родит Адина, будет владеть не только Маоном, но и всем царством Нир!

И те, кто слышал его слова, понесли их с площади, и повторяли и пережевывали их всяк на свой лад. Дошли слова сии во благовремени и до Тахаша, князя Маона. Услышав, что напороочил Хариф, Тахаш расхохотался довольно – знай, мол, наших! А отсмеявшись, призадумался.

Царство Нир не имело выходов к морю, было небогато пахотными угодьями, и не обладало залежами золота, серебра и драгоценных камней. Но через него проходили важные караванные пути в Дельгу, Гаргифу, Калидну и Шамгари. Ярмарки в городах Нира были шумны и многочисленны, ремесленники умелы и трудолюбивы, и если прославленные ювелиры столичного Зимрана работали с привозным сырьем, то этого нельзя было сказать об умельцах, которые чесали, пряли и ткали овечью и козью шерсть, а также окрашивали ее во все цвета, доступные человеческому глазу. Купцы охотно покупали изделия нирских мастеров, и тем множили достояние князей и царей, а временами и народа.

Впрочем, княжество Маон находилось в стороне от большинства караванных дорог. Расположенное в низине, оно было, пожалуй, самым хлебородным в жарком Нире. В город везли зерно и просо, и прочее, что рождала земля, а чтоб не чинилось беззакония, на то боги поставили над Маоном князя Тахаша. Правил он справедливо, и боги за то умножили богатства дома его, и дни хозяев.

Все умножили они у Тахаша и Адины, кроме них самих, ибо не было у правящей четы детей. И мало оставалось надежды, будто что-то изменится. Если бы жители Маона взяли бы за труд точно подсчитать (какового труда они обычно избегали), то оказалось бы, что князю более пятидесяти, а супруге его не меньше сорока. Кто другой давно бы изгнал бесплодную жену, или обзавелся наложницей – и не одной. Беда в том, что именно благородная Адина была наследницей предыдущего князя. Нравов Зимрана, где трон нынче занимала династия чужеземного происхождения, слишком шумная и суетливая, здесь не одобряли, держась благостной старины. А старина предполагала наследование по женской линии.

В свое время, когда молодой Тахаш, честь по чести, завоевал наследницу в состязании женихов, такой обычай казался ему наилучшим. Теперь же он столкнулся с оборотной его стороной. Дети от другой жены или наложницы имели бы право на престол в Зимране, но не в Маоне. Правда, жену Тахаш искренне любил, и даже теперь, по прошествии стольких лет, неизменно делил с ней не только стол и кров.

И когда Тахаш с явной неохотой начал подумывать о том, чтобы усыновить кого-нибудь из родственников жены, неожиданно чрево Адины стало округляться.

Нужно ли говорить, что Тахаш был вне себя от счастья, а радости доброй жены его и вовсе не было предела. Но не было во дворце также и покоя. Вряд ли во всем Нире нашлась бы женщина, беременность которой берегли столь бы тщательно. Адина шагу не могла ступить без сопровождения служанок, следивших за тем, чтобы госпожа их, упаси нас благая Никкаль, не поскользнулась и не оступилась. За здоровьем ее наблюдали опытейшие повитухи, и даже чужеземные лекари – которым не слишком доверяли. Им же вменялось проверять, чтобы на стол Адины не попало кушанье, тем или иным образом могущее повредить родильнице или будущему чаду. А уж амулеты от сглаза и порчи на женской половине висели гроздьями.

И, хотя повитухи, лекари и служанки в один голос заверяли, что все идет как нельзя лучше, на душе у Тахаша было беспокойно. А тут еще это предсказание.

Будь Тахаш лет на двадцать – да что там! – на десять помоложе, оно ничего, кроме радости, не доставило бы. Ха! Он лучше всех, значит, сильнее всех, а сын его будет еще сильнее. В молодости Тахаш, как подобает мужчине, любил лихие воинские стычки, и кровь его горячили звон мечей и запах дыма от спаленных вражеских поселений. Но с годами он стал ценить спокойную жизнь и блага, которые она дает. В Зимране же недавно воссел на престол Ксуф, сын Лабдака, и был он молод и воинственен. А ну как предсказание выйдет из стен Маона, если уже не вышло, и достигнет ушей царя? Что, если он воспримет это как посягательство князей Маона на его власть? И чего ждать тогда?

С другой стороны, что Тахаш может сделать? Не отречься же во всеуслышание – нет, не помышлял я о верховном престоле для своего потомства (разве что самую малость), мне и свой город хорош... Пусть и в самом деле не помышлял он, заявлять такое – позор, посрамление княжеской чести. А изловить всех, кто может, повыехав из Маона, разнести весть о предсказании по Ниру, и вырезать им языки – невозможно. Так, пожалуй, и вовсе без подданных останешься...

Поразмыслив, Тахаш решил положиться на милость богов, и ничего не предпринимать. В конце концов, кто такой этот Хариф, чтобы верить каждому его слову? Даже не жрец. Просто уличный горлопан, не пренебрегающий, как доносят, ни женскими прелестями, ни

сладким вином. Вот вино ему в голову ударило, или солнце напекло так, что он понес околесицу средь бела дня...

В глубине души Тахаш, конечно, полностью верил в предсказание. Очень хотел верить.

Хариф спал крепко, и открыл глаза, только тогда, когда его выволокли из постели. А мог бы проснуться и раньше – когда в переулке за храмом Хаддада, где он жил, точнее, где ночевал, затопали тяжелые шаги, где-то поблизости псы залились воем и лаем, и дверь в его каморку с шумом распахнулась. Но Хариф был молод и не был труслив, и увидев нависающие над ним фигуры воинов, только разозлился, что его разбудили посреди ночи. Он даже не успел спросить, что такого могло случиться в любимом богами Маоне, что честному человеку и поспать не дают, как ему швырнули в лицо одежду, и, едва он успел натянуть рубаху и штаны, поволокли, взявши под руки, к выходу. Он спросонья пытался вырываться, бормоча: "пустите, гады, сам пойду", но поняв всю бесполезность этих действий, умолк и подчинился обстоятельствам. Попутно он старался вспомнить, что же такого он натворил, раз с ним так обращаются. Но как ни старался, ни за вчерашний день, ни за позавчерашний, ни за всю неделю ничего ужасного припомнить не мог. Сонная одурь постепенно отступала, и при свете факелов, освещавших это странное шествие по узким улицам Маона, Хариф успел заметить, что подхватил его не обычный ночной патруль городской стражи. Это были воины из отряда княжеских телохранителей в надраенных бронзовых шлемах и панцирях с эмблемой Тахаша. В этот отряд набирали людей самых высоких, мощных, и прорицатель, отнюдь не бывший ни малорослым, ни хилым, в их лапах казался слабосильным подростком.

Тут его осенило, и Хариф едва не присвистнул, что в его положении было бы не весьма уместно. Неужели отец этой дурехи Диклы обратился к княжескому правосудию? Самое смешное, что Хариф ее не только не соблазнял – он ее и не видел даже, пока она однажды ночью к нему в лачугу не заявила. И бегала к нему исправно (тоже ведь выспаться не давала), пока родители ее не поймали. А там, небось, начала плести, что он ее приворожил и обесчестил... Ничего, выкрутимся, и не в такие переделки попадали.

Ворота в стене, окружавшей дворец князя, против обыкновения были открыты, и конвоиры протащили Харифа внутрь. Сам дворец – жилище князя, его семьи, слуг, и пиршественный зал, занимал в этом скопище построек заметное, но не довлеющее место. Здесь были амбары, конюшни, колесничные сараи, казарма телохранителей. Еще здесь имелась темница, и Хариф предполагал, что именно туда его и поволокут. Но, к некоторому его удивлению, конвой проследовал прямо ко дворцу – солидному приземистому зданию, опиравшемуся на деревянные колонны, расписанные яркими красками. Сейчас, в темноте, роспись выглядела так, будто сделана была разными оттенками черного.

Надо же! Это как злобный старикашка должен был разъярить повелителя нашего, чтобы тот принялся чинить суд в неурочный час! Однако Хариф не растерялся. Во-первых, он и впрямь побывал уже во многих переделках, во-вторых, неплохо знал законы. Что ему могут сделать, если признают виновным? Женить на Дикле его не женят, сам же папаша ее воспротивится – зачем ему нищий зять? Возмещение, за девичью честь платить – так у него за душой ничего нет, даже подстилка войлочная с клопами, на которой Дикла эту самую честь потеряла, и та храму принадлежит. Стало быть, изгонят из города. Хорошего мало, но и за пределами Маона люди живут. Да и неизвестно еще, как сложится.

Его, наконец, выпустили, и толкнули вперед так, что он едва удержался на ногах. Он огляделся, пытаясь определить, что здесь и как. Это было просторное помещение, вероятно, зал, но размеры его трудно было определить. Светильники не были зажжены, только факелы в руках конвоиров и те, что были закреплены на стенах в коридоре, бросали вокруг неверный зыблющийся отсвет. В нем можно было различить одинокую фигуру человека. Он сидел в кресле, уронив голову на руки. Затем выпрямился, и Хариф увидел, что это Тахаш, князь

Маона. Как и предполагал Хариф, он был в ярости. Но был он в такой ярости, что Хариф впервые усомнился в том, что причиной его появления здесь были шашни с дочкой богатого купца.

Первоначально Тахаш ничего не сказал. Точно у него не было на это сил. Он лишь смотрел на вошедшего, насколько его можно было различить в полумраке.

Перед князем стоял юноша лет двадцати, среднего роста, худой, загорелый до черноты, с короткой темной бородой и взлохмаченными волосами. Черты лица были четки, резко законченны, без возврата распрощавшись с мальчишеской пухлявостью – и, безусловно, красивы. Особенно хороши были его глаза – большие, темно-карие, с живым, быстрым и внимательным взглядом, подобные глазам оленя, но без следа присущей взгляду оленя робости. Он смотрел на Тахаша так, как редко осмеливаются смотреть бедняки на власть имущих.

О бедности его свидетельствовала и заношенная, выгоревшая на солнце одежда, и босые ноги. На шее у него болтался амулет – камешек с дыркой, нанизанный на ремешок. С тех пор, как в детстве мать надела ему на шею этот оберег, он наверняка не знал других украшений.

Тот, кого видел перед собой Хариф, был высоким, крупным человеком, с широкими плечами и мощным загривком. Пусть с возрастом он несколько раздался, отяжелел, о нем можно было сказать, что он и теперь мужчина хоть куда. Но только не в данную минуту. Его седеющие волосы были всклокочены, и явно не от того, что его, как и Харифа, не ко времени разбудили. Создавалось впечатление, будто он рвал на себе волосы в приступе отчаяния. Глаза были воспалены, нос распух.

– Ты – Хариф-предсказатель? – Он говорил хрипло и тихо, но это устрашало сильнее крика.

– Ты сказал.

Хариф ничем не выдал, что угроза, таящаяся в вопросе возымела какое-то действие. Человек, научившийся владеть толпой, в первую очередь должен уметь владеть собой.

– И ты предрек, что ребенок, который у нас родится, будет править царством?

На сей раз угроза звучала явственней.

– Да, это так.

– Кто подучил тебя? Может, тебе заплатили люди Ксуфа, чтобы у царя был предлог напасть на Маон? Или ты решил, что князь расчувствуется, и на радостях осыплет тебя подарками?

Хариф искренне возмутился.

– Я никогда не вымогаю подарков. И никто не платит за мои предсказания. Я говорю лишь о том, что боги позволяют мне увидеть. Что я увидел, то сказал. Что я сказал – то сбудется.

Хариф достаточно хорошо овладел искусством убеждения. Но сейчас его красноречие привело к обратному результату.

– Ты видел? А *это* ты видел?

Тахаш хлопнул в ладоши. Откинулся занавес, скрывавший вход в соседние покои. Появилась женщина, державшая на руках какой-то сверток.

– Покажи, – приказал Тахаш.

Прислужница медленно, с явной неохотой развернула ткань. И ребенок, лежавший на ее руках, оказался выставлен на обозрение.

Хариф вздрогнул. Вряд ли какой-нибудь новорожденный младенец блещет красотой иначе, чем в глазах родителей. Но Хариф вынужден был признать, что никогда доселе не видел столь некрасивого ребенка. Да что там – безобразного. Слишком короткое тельце, слишком длинные и тонкие руки и ноги. Рыжеватый пух покрывал вытянутую голову. Нос

и подбородок словно стремились друг к другу. Зелено-карие глаза напоминали о болотной тине. И что хуже всего – это была девочка.

– Ну! – теперь Тахаш кричал в полный голос. – Значит, эта тварь будет владеть царством?

Хариф не сразу сумел ответить – поначалу пришлось откашляться, так пересохло в горле.

– Так решили боги, – хрипло произнес он.

– Не прячься за богов, щенок! Это ты навлек на княжеский дом их проклятие! Из-за тебя, из-за твоих лживых пророчеств мы стали позором и посмешищем во всем Нире...

Хариф не отвечал. Безобразный ребенок на руках у няньки почему-то притягивал его взгляд. Девочка отчаянно барахталась, но не плакала, как подобает новорожденным. И глаза ее, жуткие, болотные глаза, были не такие, как у тех, кто только что появился на свет – ясные и как будто осмысленные. Хариф понимал, что это всего лишь наваждение, и все же...

– Глаз не можешь отвести? – выдохнул Тахаш. – Смотри, смотри же, изо всех сил смотри! Потому что больше тебе ни на кого смотреть не придется!

Он взмахнул рукой, и лапы телохранителей снова клещами впились в плечи Харифа, завернули ему локти назад.

И Хариф услышал:

– Ослепить его. И вывести из города. А если вернется – убить.

КНИГА ПЕРВАЯ ЛЮБИМИЦЫ БОГИНЬ

ДАЛЛА

Во многих краях нежеланных или уродливых детей убивали, а то и просто выбрасывали. В Маоне не было такого обычая. Но если бы Тахаш вздумал тем или иным способом избавиться от маленького уродца, никто из подданных его бы не осудил. Тахаш был слишком потрясен и недостаточно хитер, чтобы скрыть случившееся, и вскоре весь город узнал о несчастье, постигшем княжескую чету. К чести жителей Маона надо сказать, что злорадствующих среди них не нашлось. И один за другим стали раздаваться голоса, утверждавшие, что ребенка надо уничтожить. Да и не ребенок это вовсе. Не могли Тахаш и Адина совершить столь страшных грехов, чтобы боги их так покарали! Это подлинный злой дух, ночной демон!

Однако Тахашу следовало совершить это сразу же, до того, как Адина узнала, что младенец жив, и успела поддержать его на руках. Теперь же, чувствуя, к чему склоняется ее супруг, она прижимала ребенка к груди и умоляла не трогать девочку. Ее мольбы возымели свое действие. Как ни прост был Тахаш, он понимал, что больше детей у них с Адиной не будет. Да и предсказание Харифа странным образом засело у него в памяти. Кстати, сорвав злобу на несчастном прорицателе, Тахаш, вероятно, сберег немало жизней, ибо в противном случае он принялся бы искать других виновников и среди повитух, лекарей, слуг и обычных горожан, безусловно, нашлись бы колдуны и ведьмы, сглазившие плод во чреве матери. Теперь же он не стал предпринимать ничего, и как раньше, решил положиться на судьбу.

Ни к чему хорошему это решение не привело. Сам Тахаш отказывался видеть дочь. Слуги роптали, не явно, конечно, но между собой высказывались, что подменыша следовало бы сжечь заживо. Кормилица – та прямо заявляла, что от взгляда чудовища у нее пропадает молоко. Адина же была не в тех летах, чтобы кормить грудью. Поэтому пришлось вскармливать младенца козьим молоком из рожка. Кормила обычно сама Адина, но зачастую от сдерживаемых рыданий у нее тряслись руки, и рожок принимала Бероя, преданная служанка, еще до рождения ребенка предназначенная в няньки.

Как-то само собой получилось, что новорожденную никому из богов не посвятили, и даже имя ей медлили дать. Но каждый день Бероя брала девочку из колыбели, тщательно закутывала, и несла в храм Мелиты.

Храм был самым новым в старозаветном Маоне – ему едва ли насчитывалось полвека. И сама богиня была молодой и вдобавок пришлой. Достаточно было взглянуть на статую Мелиты, изваянную чужеземным скульптором из Калидны, в облике обнаженной женщины редкостной красоты и прелести – ведь и сама богиня воплощала любовь и красоту.

У исконной нирской Никкаль в маленьком храме и вовсе идола не было – лишь алтарь был увенчан коровьими рогами, ибо Никкаль, Госпожу Луны, нередко изображали в виде коровы, равно как Хаддада, Хозяина Солнца, – в виде быка. Помимо того, что Никкаль была богиней всех женщин, она покровительствовала множеству ремесел, так что жертвы ей приносили и мужчины. В силу этого почитателей у Никкаль в Маоне было не в пример больше, чем у Мелиты, не говоря уж о почитательницах. Жрец и жрица Мелиты тихо старились, и священный брак превратился в пустой ритуал. Девы богини, призванные услаждать благочестивых паломников, из-за малого количества последних занялись ткачеством, либо перебежали в Зимран. И большую часть времени храм пустовал.

Бероя была старше своей госпожи лет на десять. Происходила она не из Маона, а больше ничего дурного о ней в городе не могли сказать. Откуда она родом, никто не знал, да и не любопытствовал. Ее купил у работоторговцев и приставил к своей дочери, когда та была еще маленькой девочкой, еще покойный князь. Она была Адине и нянькой, и служанкой и подругой, а потом готовилась пестовать ее ребенка. Не мудрено, что не имея своей собственной семьи, горе хозяйки она переживала сильнее прочих домочадцев, и никто не мешал ей покидать надолго омраченные женские покои, изливая сетования в гулкой пустоте храма Мелиты.

Если бы дитя Адины и Тахаша выглядело как обычный человеческий ребенок, безусловно, нашлись бы такие, кто осуждал няньку за то, что она каждый день таскает наследницу князя в храм подозрительного божества. Но в этом случае на действия Берои махнули рукой. Понимали – хуже не будет.

Хуже действительно не становилось. Если кто-то надеялся, что проклятое отродье как-нибудь само зачахнет, то упования эти были пусты. Окружающая девочку атмосфера отражения, казалось, на нее совсем не действовала, и козье молоко шло ей впрок. Она росла и развивалась вполне обычно (если здесь применимо это слово). Из-за того, что при рождении она не плакала, сочли было, что она немая, но затем голос у нее прорезался, и довольно громкий, напоминавший скорее требование, чем плач. Это еще больше раздражало служанок. Но если кто-то из них и затаил мысль потихоньку, без лишнего шума избавить добрых хозяев от обузы, то напрасно. Бероя бдительно следила за ребенком и заботилась о нем, как подобает – купала, пеленала и даже повесила на девочке на шею свой амулет – не простой "куриный бог", а просверленный яспис, слоистый, розовато-коричневый, отшлифованный в виде треугольника вершиной вниз, нанизанный на ожерелье из стеклянных цветных бусин.

Так посещала она святилище со злосчастной своей питомицей, может быть, месяц, а может, и два – в Маоне, как говорилось выше, не имели склонности точно подсчитывать время – пока не случилось событие, навсегда запечатлевшееся в памяти жителей города.

Ближе к вечеру, когда Маон начал отходить от оцепенения, вызванного послепопуденной жарой, Бероя промчалась по улицам с поспешностью, никак не приличествующей ни ее почтенным годам, ни званию няньки при княжеском отпрыске. Покрывало съехало с ее головы, и сидящие волосы непристойно распустившись, металась по широкой спине, глаза горели безумным огнем. К груди она прижимала сверток, откуда доносился залиvistый детский плач. На вопросы удивленных прохожих она не отвечала, единая цель владела ей – как можно скорее попасть во дворец. Казалось, прегради княжеские телохранители ей дорогу, она и их сметет на бегу. Но телохранители пропустили ее без задержки, хотя наверняка удивились, как и все остальные.

Измученные прислужницы сбежались со всех углов женских покоев, и сама госпожа, встав с ложа, не погнушалась пройти и узнать, что является причиной суеты и суматохи.

Запахавшаяся Бероя не могла вымолвить ни слова, словно некий демон покарал ее немотой, и лишь дрожащими руками откинула край покрывала.

Прислужницы охнули, завизжали и залопотали. На руках у Берои, как и тогда, когда она покидала дворец, лежала маленькая девочка.

Но это была д р у г а я девочка. Совсем другая.

Тельце у нее было вполне соразмерным, а черты лица, пусть искаженного плачем, удивляли правильностью и миловидностью. Волосы отливали золотом. Глаза были, как и прежде, редкостного необычного цвета, но напоминали не о зацветающей трясине, а о весенних фиалках, или о сладком молодом вине из лилового винограда.

– Что это? Кто это? – спросила Адина.

– Это твоя дочь, госпожа, – с трудом вымолвила Бероя.

Из глаз Адины брызнули слезы.

– За что? Боги и так покарали меня, а теперь и ты насмехаешься надо мной, подруга моя и ближняя моя!

Бероя, наконец, совладала с дыханием.

– Выслушай меня, госпожа... Ты не поверишь мне, я бы и сама не поверила, если бы услышала, а не увидела, но то что случилось – истинно, истинно, хотя и невероятно.

История, которую поведала Бероя, была и впрямь удивительна.

Соболезнуя несчастью хозяев, она измыслили следующее средство помочь. Каждый день она приносила ребенка в святилище Мелиты, и, встав перед кумиром богини, молила даровать девочке красоту лица. И вот сегодня, когда Бероя уже готовилась покинуть храм, предстала перед ней неожиданно некая женщина. С головы до ног она была закутана в покрывало. и плотная вуаль прикрывала ее лицо. Но Берое показалось, что женщина эта исполнена редкой красоты и прелести – такой, что сияет даже сквозь покрывало. И эта женщина спросила Берою, что у нее на руках. Бероя отвечала, что носит с собой младенца. Женщина попросила показать ей дитя. Бероя отказалась, ибо не хотела, чтобы девочку видел кто-нибудь, кроме домашних. Женщина же не отступала и настаивала, чтобы ей непременно показали младенца. И Бероя, поняв, насколько важно для этой женщины видеть девочку, исполнила ее просьбу. Тогда женщина сняла с шеи девочки амулет, погладила ее по головке и сказала, что она будет красивейшей женщиной в царстве. И в тот же миг наружность девочки чудесным образом изменилась. Бероя, не помня себя, ринулась вон из храма, страшась, что вот-вот свершится обратное превращение, и прелестная малютка вновь станет прежним безобразным существом, или что неизвестная женщина зачаровала ее глаза, и превращение было мнимым, а наружность девочки ничуть не изменилась. Так пусть же окружающие скажут, видят ли они то же, что Бероя, или она находится под действием чар? Служанки загомонили, что да, они видят, что девочка стала на зависть всем красивой и миловидной. Адина молчала, ухватившись руками за виски, кровь отлила с ее щек. На прелестную девочку она бросала лишь беглые взгляды, боясь поверить тому, что видит, и еще больше – тому, что слышит.

Постепенно на женскую половину стали стягиваться лекаря, которые в предыдущие дни из дворца словно испарились, слуги, которым здесь вовсе нечего делать, советники князя. Наконец, явился и сам Тахаш. Его степенная и в то же время решительная повадка не слишком скрывала смятение, в коем он пребывал.

Адина, всхлипнув, бросилась мужу на грудь. Тахаш вздохнул, ласково погладил ее по голове, и осторожно отстранил. И шагнул вперед.

К этому моменту девочку успели покормить, перепеленать и уложить в колыбель, над которой сейчас гулило с полдюжины служанок. При приближении князя они порскнули в стороны. Тахаш склонился над колыбелью. Девочка, утомленная суетой, царящей вокруг нее, начала было засыпать, но когда над ее постелью склонилось суровое бородатое лицо, она открыла глазки и улыбнулась очаровательной беззубой улыбкой.

– Это она? – тихо спросил князь.

– Да.

Тахаш не сразу понял, чей это голос. Он выпрямился и оглянулся.

Никто не рискнул ему ответить, кроме Берои, стоявшей в отдалении.

– Это ты принесла девочку?

– Да, господин.

Тахаш смерил Берою взглядом, и не отворачивался, пока один из советников нашептывал ему историю, успевшую облететь весь дворец.

– Кто была та женщина, что коснулась ребенка? – осведомился Тахаш у Берои.

– Не знаю, господин. Я уже говорила – ее лицо было закрыто.

– И что она сделала потом?

– Прости меня, милостивый господин, но и этого я не знаю. Я сразу бросилась сюда. Может, она осталась там, в храме?

– А вы что скажете? – Тахаш покосился на советников.

Старший из них в задумчивости прошепелявил:

– Ижвештны шлучаи, когда могущественные колдуны могли отвести людям глаза, и жаштавить видеть не то, што на шамом деле...

– И утверждаешь, будто мы все околдованы?

– Я этого не шкажал, о повелитель. Я шкажал, што такие шлучаи ижвештны...

– Это было чудо! Чудо! – выкрикнул кто-то из слуганок. – Богиня ответила на мольбы Берои!

– Возможно ли это? – спросил Тахаш. Ему не хотелось поддаваться настроениям глупых баб, и очень хотелось поверить в чудо. Гораздо больше, чем Адине, которая, наверное, смирилась бы с любым обликом своего детища.

– Боги, безусловно, могут творить чудеса, – сказал советник помоложе.

– Но почему чудо свершилось в святилище Мелиты, богини, пришедшей в Маоне?

– Господин, Мелита – женская богиня. Я не сведущ в ее таинствах. Да и кто сможет их понять?

– Может быть, богиня захотела, чтобы в Маоне ее больше любили, – негромко произнесла Бероя.

Вновь вмешался старший советник.

– Нужно пожвать жреца иж храма Хаддада, провешти очищительные ритуалы, окурить дитя швятыми вошкурениями...

Тахаш, взмахнув рукой, прервал его.

– Это мы всегда успеем сделать. Но провести тщательное расследование, конечно, нужно. Ктонибудь еще видел, как это случилось? – спросил он у Берои,

Она на миг растерялась.

– Может быть, господин. Я не смотрела по сторонам, только молилась, и не заметила, был ли кто еще в храме. Та женщина остановила меня у самого выхода, но она не вошла с улицы. Она окликнула меня сзади, стало быть, появилась откуда-то из глубины святилища. Может, она из тамошних прислужниц?

Собравшиеся загалдели, смущенные и напуганные такой перспективой. Одна из прислужниц этой чужеземной Мелиты столь могущественна, что может творить настоящие чудеса? Хорошо ли это для Маона?

Но Тахаш вновь заставил их умолкнуть.

– Нужно немедля отправить людей в храм Мелиты... нет, я сам отправлюсь. Может быть, эта женщина и впрямь еще там. И мы на месте узнаем, чудо ли свершилось, или нас постигло демонское наваждение! Не будем откладывать дела!

Адина смотрела на мужа, впервые за много дней – с надеждой.

Пока во дворце вершились все названные события, на улицы Маона упали сумерки, темные и густые. Добрые жители Маона обычно проводили это время на плоских крышах домов, наслаждаясь прохладой. И теперь они с изумлением смотрели на процессию, вывалившуюся из дворцовых ворот. А те, кому удалось в свете факелов разглядеть, что впереди идет не кто иной, как князь Тахаш, вовсе охали и хватались за щеки. Нечасто горожанам удавалось взглянуть на своего повелителя сверху вниз! Торопясь поскорее узнать, Тахаш не стал приказывать выкатить колесницу или даже седлать своего коня, да, по правде, вне главных улиц Маона пользы от них было мало. Вместе с ним, едва попадая в шаг, поспешали бородастые советники, волокущие по пыли свои пестроцветные плащи, а следом стройно шагали могучие телохранители, бряцая оружием, словно им предстояло схватиться с неведомым врагом. Слуги несли факелы, а их выкаченные глаза, отражавшие пламя, напоминали мас-

ляные плошки. Из женщин здесь была одна Бероя. Адина тоже жаждала пойти, однако она понимала, что княгине Маона не подобает показываться в толпе. А шествие постепенно превращалось в толпу, несмотря на тесноту улиц. К процессии пристраивались те, кто каким-то образом прослышали о чуде, или те, кто еще вообще ничего не услышал, но хотел услышать, а еще лучше увидеть. Прогнать любопытствующих не было никакой возможности. Никто и не гнал.

Тахаш ступил на лестницу, ведущую в святилище. Площадь позади него была так плотно забита народом, что желавшим приблизиться к храму с любой выходящей на площадь улицы, пришлось бы идти по головам.

Тахаш поднялся по пологим ступеням (ибо путь к богине легок и приятен, и с радостью ждет она гостей), и, оказавшись в полутемном пространстве святилища, остановился, озираясь. Светильники, развешанные между колоннами, грозили погаснуть, курильницы перед алтарем чадили. Очевидно, в этом храме нещадно экономили как на розовом масле, так и на обычном.

Навстречу Тахашу семенила седенькая старушка в лиловом платье, расшитом пальмовыми ветками. Очевидно, она выбралась откуда-то из внутренних помещений – они располагались за алтарем со статуей Мелиты, чьи стройные мраморные ноги находились сейчас в поле зрения Тахаша. Это и была жрица богини, судя по всему, заступившая на это место при освящении храма, и не дождавшаяся себе смены. Ее сотоварищ по служению в последнее время редко показывался в храме, страдая болями в пояснице. Сама жрица на посту пребывала, не отлынивая, но большую часть времени мирно дремала, прикорнув за алтарем.

Тахаш потребовал, чтобы она созналась, какая из ее служительниц творит здесь чудеса и чародейства, однако старушка от звуков его громового голоса сжалась и затряслась мелкой дрожью. Она была в совершенной панике. Ей представилось, будто правитель города явился сюда для совершения обряда священного брака, чего за все десятилетия существования храма в Маоне ни разу не случалось. Из ее бормотания можно было разобрать, что, дабы не прогневать милостивого господина князя, она сама готова исполнить обряд, угодный Мелите. К счастью для нее Тахаш не понял, о каком обряде идет речь, а то не миновать было бы святотатства. Отчаявшись услышать что-либо путное от глупой старухи, Тахаш оставил ее в покое и подозвал телохранителей, приказав им обыскать святилище, а буде понадобится – и внутренние помещения. Старушка жрица впала в оцепенение, решив, что ревнители местных культов возревновали ко славе Мелиты и призвали народ, а также и правителя разрушить ее храм. Случалось в благословенном Нире и такое...

Народу постепенно в храм набивалось все больше. Подтягивались любопытствующие с площади, но в первую очередь пробивались княжеские слуги с факелами. Стало светлее, но свет не приносил успокоения, как это обычно бывает. Рыжие сполохи и плоские черные тени, мечущиеся по стенам лишь усиливали тревогу. Телохранители, заглядывая за колонну, нарочно громко топали и гремели амуницией, точно стремились прогнать это чувство. Потом из гула голосов, заполнившего пространство, выделился одинокий ломкий голос:

– Смотрите! Смотрите!

Поскольку неясно было, кто кричит и на что нужно смотреть, все завертели головами, пытаясь это определить. И не сразу, но все дружнее и дружнее взгляды стали устремляться и шеи вытягиваться в одну сторону. Туда, куда следовало бы поглядеть в первую очередь. К алтарю со статуей богини.

Каменный алтарь был укутан двумя покрывалами – очевидно, дарами каких-то богатых прихожан – плотной узорчатой тканью и прозрачной вуалью из виссона – так, словно покровы только что упали с плеч богини, и она обнаженной явилась своим почитателям. В приморских государствах, таких, как Калидна, откуда родом был мастер, изваявший Мелиту,

принято было раскрашивать статуи в цвет живого тела. Маонский кумир не был исключением, но за десятилетия, минувшие со дня освящения храма, краска полностью облупилась, и белый мрамор в полумраке, отражая отблеск факелов, казалось, сам источает свет.

В левой руке богиня держала какой-то плод – не то яблоко, не то гранат. Правая же была протянута вперед, однако ладонь повернута внутрь – словно благословляя вошедших в святилище, одновременно манила их к себе. И было отчетливо видно, что с беломраморных пальцев свисает нитка цветных стеклянных бус с розовато-коричневыми треугольным камешком.

– Что это? – хмурясь, спросил Тахаш.

– Это амулет, который я повесила девочке на шею. – Бероя отвечала с трудом, зубы у нее стучали, как от сильного холода или лихорадки. – Та женщина забрала его... коснулась лица девочки и забрала амулет... и в тот же миг лицо девочки преобразилось.

Все кругом потрясенно молчали. Смысл сказанного не сразу, но все же начал доходить до них.

– Та женщина сказала, что дитя будет первой красавицей царства? – голос Тахаша упал до шепота.

– Да, господин.

– И после этого женщина исчезла?

Бероя не ответила. Вместо нее заговорил младший советник, рискнувший сделать вывод из того, что услышал и увидел.

– Она никуда не исчезла, милостивый господин! Она осталась здесь. Она и сейчас здесь! Вот она! – и дрожащей рукой указал на изваяние.

Дрожал и голос Берои, когда она произнесла:

– Богиня услышала мои молитвы и явилась исполнить их...

Советник радостно сообщил:

– Но непосвященные могут ослепнуть, увидев божество воочию! Поэтому богиня окутала себя покрывалом, а когда вновь стала истуканом, сбросила его!

Никто уже и не слушал объяснений. Те, кто раньше боялись дать имя своим догадкам, восторженно вопили:

– Чудо! Чудо! Богиня свершила чудо!

Жрица раскачивала головой из стороны в сторону, вроде тех глиняных игрушек, что продают на рынке на забаву детям. Она силилась уразуметь, грозит ли что-либо ей самой и храму, но не могла.

Тахаш стоял, как оглушенный. Каждому приходилось слышать, как боги и богини нисходили к смертным, говорили с ними, ели, пили, состязались в борьбе и разделяли ложе! Но одно дело – слышать, и совсем другое – когда это касается тебя и твоих близких. Наконец он воздел руки горе и громко расхохотался. А потом воскликнул:

– Все – во дворец! Я открываю закрома, опустошаю погреб! Будем пировать в честь моей красавицы!

И был пир в княжеском дворце, и праздник во всем Маоне. Во множестве было заклано скота, мелкого и крупного, и птицы – без счета. И вволю съедено хлебов, как грубого, так и тонкого помола, и сладких каш, и плодов разнообразных. И еще больше выпито пива, и вина, и сикеры.

А девочке дали имя. Пусть и с опозданием. Особо не мудрили – назвали ее Далла, что значит "прелестная" либо "красавица".

За общей радостью об ослепленном провидце никто и не вспомнил.

Когда Далле исполнилось двенадцать лет, ей стали прикрывать лицо. И такой обычай бытовал во многих городах, но не в Маоне. Даже замужние женщины не прятали здесь лица, тем паче девы, еще не узнавшие брачного ярма. Однако она становилась так хороша, что

поневоле хотелось укрыть эту красоту от дурного глаза. А заодно от жарких лучей солнца, которое пусть и не было в Маоне таким безжалостным, как в прочих областях Нира, все же палило презрительно. Поэтому жители Маона в большинстве своем смуглы, темноволосы и темноглазы. Не были исключением и родители Даллы. Но прикосновение богини наложило неизгладимую печать на облик юной княжны. Ее кожа была гладкой и белой, как тот мрамор, из которого была изваяна статуя Мелиты, но конечно же, никакой мрамор не бывает столь нежным. Такие светлые волосы редко можно было увидеть в Маоне, и ни у кого не было таких глаз – цвета фиалок или молодого вина, а более всего напоминавших вечернее небо после того, как оно рассталось с солнцем, но еще не потемнело. И чем старше становилась Далла, тем больше сходства обретал ее стан с кумиром Мелиты. Во всяком случае, так рассказывали и в Маоне, и за его пределами.

К тринадцати годам Далла уже не знала отбоя от женихов. Не любившие точность жители Маона утверждали, что таковых было великое множество. Но даже, если они, по обыкновению несколько преувеличивали, вряд ли какая-нибудь иная девушка в Нире могла с ней сравниться. Сватались к ней князья, градоправители и просто сыновья знатных людей, привлеченные как слухами о красоте Даллы, так и именем единственной наследницы княжеского рода. Тахашу предстояло сделать трудный выбор, и сделать его в одиночку, ибо жена его уже более двух лет покоилась в родовой усыпальнице. Князь дряхлел, и ему следовало позаботиться о преемнике. Однако излишняя поспешность в выборе была опасна. Тахаш хотел обеспечить не только счастье любимого чада, но мир и процветание Маона. Первые годы после рождения Даллы он с тревогой ждал, что предпримет Ксуф Зимранский. Но все было спокойно. Очевидно, Ксуф решил, что девочка не представляет для него угрозы, а потом и вовсе забыл о ней, и связанном с ее рождением предсказании. Но многие о нем помнили, и будущий муж Даллы вполне мог возмечтать, что со временем овладеет тронem в Зимране, тем более, что ни первая, ни вторая, здравствующая жена Ксуфа не родили ему наследника. И в душе Тахаша ожили прежние страхи, вынуждавшие его проявлять осмотрительность.

Устраивать состязания женихов, как поступил его покойный тесть, он не хотел. Не те сейчас были времена, да и в будущем зяте он хотел видеть иные качества, помимо силы мускулов (хотя последняя тоже бы не мешала). Тех, кто сватался к Далле, он приглашал в гости, и они задерживались во дворце на недели, а то и на месяцы. Женихам Тахаш объяснял, что дочь у него одна, и он не может выдать ее замуж, не присмотревшись к претенденту. Вот он и присматривался. Задавал пиры, охоты, устраивал и праздники, благо состояние казны это позволяло. Все не уставали хвалить радушие и щедрость князя Маонского. А он смотрел и слушал их, пьяных и трезвых. И отмечал: вот тот неводержан в речах, в болтовне своей не жалея ни десницы отца, ни ложа матери. Этот неумеренно хлещет вино и сикеру, так что слуги после пира вытаскивают его из-под стола, где он храпит в луже собственной блевотины. Третий при звуках флейты и барабана готов пуститься в пляс и выделяет непристойные коленца, позабыв о достоинстве своего рода. Четвертый ради травли оленя или кабана готов пропустить важную встречу. Пятый – частый гость в процветающем храме Мелиты с его безотказными девами...

Постепенно сердце Тахаша стало склоняться к одному из претендентов – молодому Регему, сыну Иорама. Тот происходил из знатного зимранского рода, и одновременно приходился Тахашу свойственником. Хотя, живя в Зимране, Регем служил Ксуфу, и участвовал в его военных походах, шумных и бесплодных, как все предприятия верховного царя, по характеру юноша был вовсе не воинственен. Он предпочитал жизнь в тиши и занятие хозяйством.

Во времена оны Тахаш высмеял бы такие наклонности в мужчине, но теперь его понимал. А может, Регем просто напоминал ему о милой Адине – тихим нравом, незлобностью,

и даже в какой-то мере внешне – ведь его матушка приходилась Адине двоюродной сестрой. Правда, сходство это было весьма поверхностным. Адина была женщиной красивой, статной, с пышными бронзовыми волосами. Регем был скорее невзрачен, невысокого роста, и, при том, что, как заметил Тахаш, отличался недюжинной силой, мог показаться щуплым. Его темно-русые волосы свидетельствовали о примеси иноплеменной крови – как почти у всех зимранских аристократов. Лицо отнюдь не блистало красотой. Так что же? Для мужчины смазливость, полагал Тахаш, это, пожалуй, порок. В Регеме он видел другое, более важное для него качество. Если других женихов влекло сюда желание стать хозяином богатого Маона, или предсказание о том, что наследнице Тахаша суждено стать царицей, для Регема была важна сама Далла.

Видел он ее редко, впрочем, как и все остальные женихи. Как подобает дочери знатного семейства, Далла проводила время на женской половине, в окружении служанок. На пирах она не бывала, не говоря уж об охотах, и покидала свои покои лишь для прогулок в саду, либо в дни празднеств, когда она во главе процессии сверстниц направлялась в храм Мелиты, дабы возложить к подножию статуи, сыгравшей столь чудесную роль в ее судьбе, гирлянду из роз. Порой, прикрыв лицо тонкой вуалью, она выходила поприветствовать гостей, если Тахаш считал это необходимым. Но не задерживалась больше, чем на несколько мгновений. И, конечно, никогда не оставалась с гостями наедине. Об этом заботилась Бероя – постаревшая, но все еще крепкая и бодрая. Адина, умирая, взяла с нее клятву, что та не оставит Даллу. Клятва – не клятва, но к обязанностям своим Бероя относилась истово. При том вся прислуга перед ней трепетала, да и не только прислуга. Мудрено ли – к голосу этой женщины прислушалась сама богиня. И Бероя свирепо стерегла свою воспитанницу, принимая все должные меры, чтобы жадные соискатели не смели к ней приближаться, и меры эти неукоснительно выполнялись. Так что Регему приходилось очень стараться, чтобы увидеть предмет обожания, да и то в случае удачи – лишь мимолетно. Но ему и этого было достаточно. Молодой человек был влюблен по уши, и с трепетом ждал решения своей судьбы. Тахаш это видел – и одобрял. Муж должен любить жену, полагал он, а не только ее приданое. Он сам тому примером. И благодаря этому прожил в супружестве долгую и счастливую жизнь. Под старость лет бывшее представлялось Тахашу прекрасным и лучезарным, если случались некогда беды и несчастья, то были они недолгими и всегда оборачивались к лучшему. К добру. А от добра добра не ищут.

Когда Далле исполнилось четырнадцать лет, отпраздновали пышную свадьбу. И снова весь Маон пил, ел и веселился за счет княжеских житниц и погребов. И всем было весело, и даже отвернутые женихи, всю попользовавшись гостеприимством Тахаша, не затаили зла.

А еще через год Тахаш умер, успев еще увидеть и подержать на руках новорожденного внука – на редкость крепкого и здорового мальчика, с такими же, как у матери глазами цвета вечернего неба.

И умер он, совершенно успокоенный относительно будущего рода своего, и княжества, и даже счастливый.

Он так и не узнал, как счастлив был тем, что умер.

ДАРДА

Звали ее Дарда. Так называется кустарник, растущий на сухой каменистой почве, с искривленным от безжалостных ветров стволом, ветками, почти лишенными листьев и длинными шипами. Но даже такое имя казалось для нее слишком красивым. Поэтому ее называли уродиной, чудовищем, а с возрастом все чаще – Паучихой, из-за непомерно длинных в сравнении с туловищем рук и ног. Лицо у нее было под стать фигуре. Костлявый нос напоминал формой разбойничий клинок, подбородок выпячен. Узкие губы выглядели совершенно бесцветными, при том, что кожа была сожжена загаром. Такими же бесцветными стали выгоревшие от солнца брови и ресницы. Тускло-рыжие (при другой наружности их называли бы бронзовыми) жесткие курчавые волосы ей приходилось укорачивать ножом, иначе с ними было бы невозможно справиться. Она заплетала их в короткие и торчащие, словно рога, косицы, а чаще оставляла, как есть. Голос ее был монотонным и почти лишен выражения,

Люди считают уродов злыми. Дарда была, безусловно, злой девочкой, и чем старше, тем злее она становилась. Но где причина и где следствие? С какой стати быть доброй, если никто не добр к тебе, включая родителей?

Ее родителей звали Офи и Самла, и были они по здешним меркам, людьми не бедными – держали стадо овец, пару коров – ради масла и молока, мула, имелся у них участок пахотной земли. Но ни рабов, ни наемных рабочих при усадьбе не было. Впрочем, таковых здесь не было почти ни у кого, независимо от достатка.

Селение располагалось на Илайской возвышенности, там, где горные ручьи вливаются в поток Зифы.

Но усадьба Офи находилась в стороне, на другом берегу реки, у самого подножья Илайского отрога. По правую руку тянулась горная цепь, венчаемая вершинами Сефара, по левую начиналась пустыня. Место было мрачное, оттого-то, наверное, прежний владелец и продал усадьбу приезжим откуда-то из внутренних областей Нира. За годы, что Офи и Самла прожили здесь, никто не узнал о них больше, чем в первые дни, то есть почти ничего. Впрочем, кто хоть раз видел дочь Офи, тот понимал его стремление держаться подальше от людей.

Никакого сходства с родителями в ней не было. Те были с виду вполне обычные, хотя рано постаревшие мужчина и женщина. Было с чего постареть – они работали с утра до ночи. И Дарду, едва она научилась ходить, приставили к работе. Она таскала воду, полола, копала землю, потом стала помогать при стрижке овец и окоте, а едва она стала старше, отправили пасти стадо. К работе по дому ее не допускали, единственное, что Офи доверял ей – это чесать шерсть. Все остальное делала Самла – пряла, ткала, шила, готовила, сбивала масло. Из овечьего молока она делала сыр – для семьи, а иногда и на продажу. Шерсть Офи тоже большей частью продавал торговцам, приезжавшим в селение по весне и после сбора урожая. После этого он обычно возобновлял запасы сикеры и пива. А напившись, брал палку и начинал бить Дарду.

Никогда в жизни ей не приходило в голову ответить ударом на удар или хотя бы вырвать палку – а после десяти лет у нее хватило бы на это сил. Родителей надо почитать – из отрывочных знаний о мире эту истину она усвоила твердо. Офи и Самла – те хотя бы терпели ее, а другие бы терпеть не стали. Да вообще достаточно того, что они – родители. Но от ударов она старалась уклоняться. Со временем это стало получаться. Может быть, из-за того, что пьяный Офи не видел, куда бьет.

Мать – та была мягче. Ни разу не ударила ее, чинила порванную или разъехавшуюся от ветхости одежду, и даже добавляла за обедом лишний кусок или ложку похлебки, если Офи не было дома. Но всегда отводила при этом глаза.

Как ни скромно они жили, голодать не приходилось. При начале сева Офи приносил жертвы сельским божкам – Зу-Кабдиму, хозяину посевов, и Зу-Зибану, хозяину потоков, чем, надо думать, заслужил их милость.

В селении был еще храм Никкаль. Солнечного Хаддада здесь почитали несколько умозрительно, как далекого и недоступного владыку, а о Кемош-Ларане, боге воинов благородного происхождения, даже не слыхивали. Никкаль в этих краях поклонялись как богине плодородия, и опять же по весне, и после сбора урожая (как раз тогда, когда появлялись торговцы) девушки и женщины уходили в поля – радеть богине. Но Дарда никогда не видела обрядов Никкаль, даже тех, что дозволено лицезреть малым детям и мужчинам, и не участвовала в общих молитвах. Ее и не впускали в храм, считая, что богиня оскорбится ее видом, и значит, поля перестанут родить, а домашний скот – приносить потомство. Поэтому Дарда не знала много того, что было известно любой деревенской девчонке ее возраста, пусть самой темной и глупой. Она и не искала знания такого рода. Ее занимало другое.

Она училась драться.

Вовсе не желание доказать, что она лучше других, двигало ей. И не стремление отомстить тем, кто оскорблял и унижал ее. Просто ей надо было защищать себя.

Когда Офи отправлялся в селение продавать шерсть, она обычно сопровождала его. И это бывали худшие дни в ее жизни. Офи ехал на муле, а она шла пешком, но не это удручало ее. Она могла идти целый день без усталости. Однако, когда Офи торговался с перекупщиками, этого мула надо было стеречь. И тут начинался кошмар, который для деревенских детей был праздником. В нее швыряли комьями грязи и навоза, а иногда и камнями. Это были те, кто поменьше, а кто постарше, похрабрее и посильнее, норовили приблизиться к ней и ударить кулаком или палкой. И даже отбившись, она возвращалась домой в синяках и ссадинах. Жаловаться Офи было бесполезно, это она быстро усвоила. Так, постепенно она пришла к тому, что стало главным правилом ее жизни.

Жаловаться вообще не надо. Надо сделать так, чтобы никто не захотел тебя бить.

Ни за что. Никогда.

Но где она могла обучиться тому, как следует драться? Кто стал бы ее учить? Только не Офи. При всей мрачности характера, вряд ли он был склонен к дракам. Он и дочь бил лишь будучи сильно пьян, или если сильно провинится. Другие мужчины в округе – да, те дрались между собой. И даже боролись. На праздниках было принято чтить богиню таким образом – считалось, что борьба мужчин, так же, как пляски женщин, радуют Никкаль – подательницу урожая. Это делалось отнюдь не в тайне, а на всеобщем обозрении, иногда посреди деревни, иногда, если борцов выходило много – на берегу Зифы. Проточная вода считалась священной (может быть, потому что дожди в предгорьях шли редко, и Зифа с притоками была единственным источником орошения полей), загрязнять ее было нельзя, и свалившийся в реку обязан был платить штраф. Правда, падения такие случались редко, тот берег был пологий. Зато с противоположного, высокого берега происходящее было отлично видно, и Дарда внимательно наблюдала за поединками.

Схватки всерьез также случались на берегах Зифы – пастухи дрались за лучшее место у водопоя (скот был угоден Никкаль и мог мутить воду сколько угодно – это загрязнением не считалось). Тут шли в ход дубинки и посохи, и кнуты. Дарда наблюдала и за этим, иногда открыто, иногда тайно, скрываясь между камней – на высоком берегу, или в зарослях тростника – на пологом.

Странное дело – чем дольше она смотрела на эти схватки, и потешные, и всамделишные, тем скучнее ей становилось. Казалось, даже из драк малолеток, еще не вошедших в возраст, можно извлечь больше пользы. Там, по крайней мере, старались сбить противника с ног ударом кулака, или ловко подставить подножку. У взрослых же все строилось на один манер. Облапить друг друга и топтаться на месте до умопомрачения, мять противнику ребра.

А ударить головой в нос или подбородок? А ноги для чего даны человеку, разве только для топтания? Нет, подножки применялись, однако столь неуклюже, что смотреть на это было тошно. Возможно, все приемы, казавшиеся Дарде уместными, были запрещены правилами борьбы, но когда эти люди схватывались без правил, дело обстояло ничуть не лучше. Посохами своими они молотили будучи трезвыми с такой же точностью, как Офи пьяный. Да, многие из этих людей обладали силой, настоящим же умением – никто. Звери и птицы были более ловкими, их повадки могли служить лучшим примером.

И Дарда, уходя со стадом в горы, следила за повадками зверей и птиц. Другие девочки ее возраста тоже пасли овец и коз, но они старались держаться равнины, и, конечно, никто не поднимался в горы так высоко, как она. Не всякий мужчина пошел бы туда, куда ходила Дарда. Единственной ее спутницей была большая серая собака по кличке Джуха. Она не была такой лохматой, как другие пастушьи собаки, и редко лаяла. Зато всякому чужому, на двух или на четырех ногах, норовила вцепиться в горло. Говорили, что в ней течет волчья кровь, впрочем, что бы ни болтали, овец она не трогала. У Офи был еще один пес, белый и брехливый – но он оставался при усадьбе. И если считать, что собака может быть другом – единственной подругой Дарды была Джуха.

Как все пастухи, Дарда носила с собой большой посох. Поначалу он был выше ее, и она с трудом тащила его за собой. Но ни разу не бросила, чтобы поменять на более легкий. Теперь она почти не ощущала его веса.

И вдали от людских глаз Дарда упражнялась в том, что усвоила из увиденного, подражая движениям людей и животных. Она прыгала и бегала, вертела, подбрасывала и перехватывала посох, и тот, кто увидел бы ее, мог бы счесть за умалишенную, но на нее смотрела только собака, да и то изредка, а овцы не смотрели вовсе. Продолжалось это часами. Боги, лишившие Дарду красоты, даровали ей взамен силу и ловкость. Она прыгала с камня на камень, как дикая коза, и лазала по скалам, как кошка. А умаявшись, сбрасывала одежду и окуналась в ледяную воду горных рек, не думая, что совершает при этом грех.

Так что, если редкие дни, когда Дарда попадала в общество людей были худшими для нее, то долгие недели на горных пастбищах – лучшими.

Днем палило жаркое солнце, и приходилось кутаться в старую овчину, которую Дарда набрасывала поверх платья. Зелено-карие глаза девочки смотрели на мир пристально и недобро. Хотя звери и птицы представлялись ей умнее и красивее людей, они покушались на овец, а оборонять овец было ее работой.

Жители Илайского нагорья не были охотниками. Не то, чтобы законы или религиозные верования запрещали им охоту. Она была для здешних крестьян чем-то несерьезным, господскими штучками, которыми могут тешиться князья и вожди, скачущие на колесницах, а не основательные люди, живущие плодами рук своих. Но защита достояния от хищников считалась делом вполне почтенным. Если волки особенно нагнали, пастухи объединялись, брали собак и вооружившись самодельными копьями, устраивали облаву. Приходилось Дарде слышать, как кто-то из особенно сильных и могучих мужчин заломал медведя, но про себя она почитала эти рассказы враками, потому что ни разу не встречала на предгорьях ни медведей, ни их следов. Должно быть, их перебили прадеды нынешних хвастунов. А может, они водились ближе к северу.

В остальное время те, кто пасли стада в одиночку, сберегали скот, как могли. Больше всего надеялись на собак и на тяжелые посохи. У Дарды и собака и посох имелись. Но собака старела, и Дарда не обладала достаточной силой – пока, по крайней мере – чтобы убить волка ударом посоха. Пришлось искать другие способы.

Как и прежде, она ни у кого ничего не выпрашивала. Прокрадывалась к стоянкам пастухов, подсматривала, подслушивала. Если бы ее поймали за этим занятием, наверное убили бы, решив, что девочка привержена злему колдовству, либо и вовсе приняв за обо-

ротня, порождение ночи. Но ее ни разу не заметили. Она научилась осторожности, двигалась беззвучно и быстро. Ничто не выдавало ее присутствия. Те, кто привык, что деревенские девушки все время болтают и трещат, не поверил бы, что их сверстница способна так долго молчать. Дарда вообще говорила очень мало, и люди, редко ее видевшие (а часто ее не видели даже родители), могли счесть ее немой. Пожалуй, если бы она не прислушивалась к чужим разговорам, а из людской речи довольствовалась лишь руганью Офи, она бы таковой и стала. Однако Дарда умела слушать очень хорошо, а из услышанного выбирать то, что ей было нужно.

Так она услышала о других видах оружия, кроме пастушьих посохов, дубинок и ножей. И первейшем из них, и самое доступное ей по росту и силе, была праща. При первом удобном случае Дарда нарезала на усадьбе ремней из какой-то, пришедшей в негодность шкуры, и, вернувшись на горные пастбища, принялась упражняться, благо камней любого веса и величины кругом было сколько пожелаешь. Ей приходилось также слышать, что некоторые пастухи вместо ремня или веревки используют палку с расщепленным концом, но Дарде такой способ не представлялся удобным.

Она отмахала руку, попадая куда угодно, но не туда, куда целилась, однако не прекращала занятий, и постепенно выработала определенную точность. Теперь, когда Дарда направлялась с отцом в деревню, на поясе у нее висела сумка, где лежал свернутый ремень с петлей на конце и горсть круглых гладких камней, собранных с речной отмели. Она брала с собой те, что поменьше, чтобы никого не убить и не изувечить, это ей пока было лишнее.

Но она понимала, что одной пращей ей не обойтись. Вряд ли стоило выискивать в характере Дарды какую-то особую кровожадность, а если образ ее мыслей принял неестественные формы, то не природная извращенность была тому виной. Борьба и оружие заменили ей все, о чем мечтают девочки, входящие в возраст – куклы, наряды, рукоделие, браслеты и бусы, домашнее хозяйство, сласти, наконец, женихов. Она имела самые смутные понятия о религии – но если бы кого-нибудь из местных жителей, кроме служительниц храма Никкаль или бродячих жрецов, иногда появлявшихся в деревне, попросил бы выразить эти понятия словами, вряд ли кто оказался бы красноречивее Дарды. Она не умела ни читать, ни писать – а кто здесь умел? И какой бы темной она ни была, она не была глупой. И если мысли ее текли по одному руслу, то не без причины.

Она знала, что обречена на одиночество. Из-за безобразного лица ее не возьмут даже в наложницы. И она не настолько бедна, чтобы ее оставили в покое. Это значит: когда Офи умрет – да хранят его боги подольше! – все достояние семьи – и овец, и коров, и землю, и дом – захотят отобрать. Непременно захотят. Неважно, от кого из жителей селения следует этого ожидать. Так всегда поступают с женщинами, у которых нет ни отца, ни брата, ни сына, ни мужа. Может и сами бы не хотели отнимать, а надо. Потому как если мы не отнимем, так это непременно сделают соседи. Лучше уж мы...

Сколь ни обрывочны были знания Дарды об окружающем мире, это она понимала. И, не чая от будущего ничего хорошего, обстоятельно готовилась к тому, чтобы встретить беду заранее. Чтобы защитить себя и Самлу, которая, пока Дарда растет и набирается сил, наоборот, стареет и слабеет. (Она почему-то не сомневалась, что мать переживет отца.) А для этого уметь кидать камушки, хотя бы и метко, недостаточно.

Жители Илайского края не были охотниками, не были они также и воинами. Но царство редко покоилось в совершенном мире. Цари Зимрана воевали с соседями и непокорными градоправителями, князья тягались силой между собой, и вести об этом долетали до Илайских гор. О кровопролитных сражениях говорилось мало, больше – о вытоптанных конницей и боевыми колесницами полях, о сожженных деревнях и угнанных стадах. Изредка в предгорьях появлялись гонцы, поспешавшие с тем или иным поручением, минуя главные дороги, чаще – дезертиры, поодиночке или целыми шайками. В зависимости от состояния

сил их либо травили, как волков, либо покорялись принуждению. Разбойники не обязательно были беглецами из рядов какого-либо войска. Это были люди, за какой-либо проступок или преступление изгнанные из родов, либо лишившиеся своего имущества из-за войны, того же разбойничьего набега или просто дурного хозяйствования. На селения нападать решались они нечасто (на памяти Дарды – никогда). Их больше привлекали стада как источник пропитания. Это заставляло пастухов быть настороже, и Дарда ловила все слухи о разбойниках и воинах, надеясь извлечь из них новые полезные сведения.

Из выючных животных здесь держали только ослов да мулов, на них же и ездили, если была нужда. Дарда лишь несколько раз видела лошадей, а боевые колесницы и вовсе никогда. Это ее не волновало, подобный род оружия она с собой никак не соотносила. Она была еще недостаточно взрослой, чтобы удержать в руках топор или меч. А хоть бы и могла. Мечи она видела только издали, у охранников заезжих купцов и могла подумать о них то же самое, что о лошадях – красиво, дорого, ко мне не относится. Вот хороший нож – другое дело. И лук также. (У охранников имелись луки, разбойники, говорят, тоже были ими вооружены, но в деревне ими не пользовались.) Еще привлекательнее, по слухам, было оружие, взятое в употребление армией царя Шамгари – гастрарет, в просторечии называемое не слишком красивым словом "пузобой". Состояло оно из лука, полностью металлического, с деревянной ложей и лотком для стрелы. Сгибая лук, воин упирал ложу в живот – отсюда и название. Заполучить в Илае шамгарийский самострел было невозможно, а знаний о том, как он устроен – недостаточно для сельских кузнецов, чтобы изготовить его самолично, да у них и желания такого не возникало. А у Дарды возникало, но у нее не было ни опыта, ни подходящего материала. Хотя руки у нее были хорошие, а пальцы, еще не успевшие огрубеть, как у матери – гибкие. И лук она вполне могла попробовать сделать. Не роговой, как у охранников – для этого требовались специальные навыки, а попроще – деревянный. Тетивы для лука плела, растрепав на волокна старые веревки, а затем пришлось пострадать хвосту и гриве отцовского мула. Стрелы поначалу были оперенными палками, конец которых заострен ножом. Потом, уже несколько набив руку, Дарда научилась делать каменные наконечники.

Вряд ли она добилась особой меткости со своими самоделками и при отсутствии наставника. Но все же она, как правило, попадала туда, куда целилась – может, потому, что за лук со стрелами взялась после пращи. Ей даже удалось застрелить горного кота, на свою беду решившего поживиться ягненком из стада. Дарда убила его одним выстрелом, за что впоследствии удостоилась одобрения Офи. До этого, если он и замечал лук за спиной Дарды, то никак не высказывался. Но когда Дарда приволокла домой убитого кота – она просто не знала, что с ним делать – Офи похвалил ее. Главным образом его порадовала неповрежденная шкура. Вдвоем с Дардой они сняли ее, и Офи собственноручно ее задубил, чтобы продать в деревне. Тушу кота разрубили и скормили собакам, а это тоже, хоть и небольшая, польза для хозяйства.

Дарда хорошо запомнила тот день. Офи никогда раньше не хвалил ее. Он и после ее не хвалил – правда, до события, из-за которого не слишком счастливая, но вполне сносная ее жизнь пошла наперекося, оставалось совсем немного.

В то лето Ксуф, сын Лабдака, опять воевал с наместником Гидарна из Шамгари – даже не с самим царем, который находился где-то в дальнем походе. Из-за чего началась война и как она шла, в Илае не было известно. Гонцы сообщали о великих и славных победах Ксуфа, но следом за гонцами являлись царские воины и угоняли коров, и овец, и коз, и были это воины вовсе не чужеземного Гидарна, а все того же Ксуфа. Походило на то, что царю Зимрана приходится платить контрибуцию.

Для царей и людей знатных война – это развлечение, игра. Но в игре случаются проигрыши. И за них нужно платить.

Все князья Нира принесли своему верховному правителю, царю Зимрана, клятву верности. Однако, если бы Ксуф посягнул на их достояние, эта верность ощутило заколебалась бы. И как ни горд был Ксуф, он понимал, что продолжать свои игры в таком случае будет трудно. Следовательно, платить придется самому. При этом собственных средств тратить он никак не желал. Нашелся выход и здесь.

Над Илайской возвышенностью не было ни вождя, ни князя. И жители ее, (а также других подобных краев) были объявлены царскими людьми. И в качестве таковых им было предоставлено право платить царские долги.

Беда в том, что здешним крестьянам платить их хотелось ничуть не больше, чем самому Ксуфу. Даже меньше. Нет, они, конечно, уважали царскую власть – да и вообще всякую, и почитали священную особу царя. Но до той степени, пока эта власть и эта особа не покушалась на их имущество.

В Илае не стали вспоминать – как это сделали бы в любом большом городе Нира, что род Ксуфа – пришлый, и на троне Зимрана сидят захватчики и узурпаторы, а Нир – страна с древними обычаями и освященными богами законами, каковые никому не дозволено нарушать, царям в том числе. Никто в Илае и слов таких не знал, а если б знал, не выговорил. Просто стада, бродившие прежде по правому берегу Зифы стали перегонять на левый берег, а те, что раньше пасли в предгорьях, уводили выше, в самые горы, куда никогда не пробрались бы тяжелооруженные всадники Ксуфа. Но там подстерегала другая опасность – бродяги, изгои, разбойники, а уж им-то горные тропы были нипочем.

Этого человека звали Закир, чего Дарда так и не узнала. Впрочем, он мог носить какое угодно имя. Настоящим разбойником его вряд ли можно было счесть, он принадлежал к разряду изгоев. Родом он был из Илая, но не из ближнего селения, а из другого, дальше к северу. Чего он там натворил, в точности известно не было. Может, изувечил кого-то в пьяной драке, может, опозорил девушку и отказался платить выкуп. Или, например, ради молодечества, помочился на межевой камень с изображением богов – такое редко, но случалось. Короче, совершил он нечто такое, за что его головой супротивнику не выдали, но и терпеть в деревне не стали. Закир из-за этого не сильно огорчился, он был явно не из тех, кто изнуряет себя трудом на пашне, либо на стрижке овец. На горных пастбищах всегда можно было скрасть ягненка или козленка. Зимой, конечно, ему так вольготно не жилось бы, однако зимы в горах Закир перенести еще не успел, на что это похоже – не представлял, да и не умел он заглядывать дальше завтрашнего дня. Ему везло, и он полагал, что так будет всегда. Постепенно он совсем обнаглел и открыто уносил добычу из стада, иногда впридачу отобрав у хозяина прихваченные из дома лепешки и тыкву с хмельным.

Ни разу он не встретил сопротивления. Закир был детина здоровенный, зверовидной наружности, и с луженой глоткой. Когда он выкрикивал угрозы и проклятья, казалось, со склонов гор камни готовы запрыгать дождем. В иное время пастухи потерпели-потерпели бы такое, потом объединились бы, и каков бы ни был Закир силач, пришлось бы ему плохо. Но в то лето люди были подавлены и напуганы событиями более важными, чем выходки какого-то изгоя. Следует добавить, что и Закир не во всем полагался на чистую удачу. На пастухов, которые судя по внешнему виду и повадкам, могли его отдубасить, или держали при себе крупных и злых собак, он никогда не нападал. Он выбирал тех, кто несомненно был слабее его, выглядел робким – и оставался безнаказанным. Пока не совершил единственной ошибки.

Дарда, безусловно, была слабее его. А вот насчет робости он заблуждался.

Левый берег Зифы был высок и каменист, но всякий, кому приходилось пасти стада в предгорьях, знал, где можно найти пологий спуск, чтобы благополучно напоить овец. Дарда, которая здесь жила, знала такие места лучше других. В тот день она оказалась у воды первой, и прочим, желавшим пройти тот же спуск, приходилось ждать. Они и ждали, не предприни-

мая попыток прогнать ее – так было принято. И она спокойно стояла, глядя, как пьют овцы. Домашний скот, как уже говорилось, был угоден Никкаль, и мог мутить воду сколько угодно.

Закир спустился не с той стороны, с которой проследовал бы кто-нибудь из притомившихся ожиданием пастухов. На присыпанный галькой речной мыс, где находилась Дарда с овцами, вела и другая тропа, но по ней не прошли бы ни овцы, ни козы. Наверное, ее положили между скал такие же, как Закир, бродяги, которым непременно надо показать свою лихость, а тут девчонка со старой собакой, кто же их будет в расчет принимать, подходи и бери, а ежели кто наверху торчит, так пусть посмотрит, полюбуется, глаза поплющит! Он, кстати, успел уже выпесть полтыквы сикеры, и хотя нельзя сказать, чтоб Закир был пьян, желание покуражиться это обстоятельство существенно увеличило.

Джуха, помещавшаяся у ног хозяйки, насторожилась, когда чужой человек спустился по тропе. Зарычала, когда он приблизился к овцам. И бросилась, когда он схватил ягненка. Пастушей собаке не нужен приказ, она обучена охранять стадо от всякого, кто на него покусится. Офи недаром отправлял Дарду вместе с Джухой в горы. Он успел натаскать собаку. И случись эта история года на два раньше, вряд ли бы Закир решился на открытый грабеж. Но Джуха состарилась, отяжелела, половина зубов у нее выпала или стерлась. А Закир был очень силен. Джуха не смогла в прыжке добраться до его плотки и не сбила его на землю своей тяжестью – он пошатнулся, но устоял, и, напротив, сам перехватил собаку, поймав ее за шею. Джуха извивалась, силясь вцепиться ему в руки. Вгрызться до кости она уже не была способна, однако и задушить ее, как намеревался Закир, оказалось не так легко. Он все же извернулся, притиснув левой рукой голову собаки к груди, а другой извлек из-за пояса тяжелый кривой нож и трижды ударил.

Джуха так и не залаяла, но после второго удара тонко и слабо вскрикнула. Этот звук напоминал не визг старой собаки, а плач младенца. Но он сразу же стих. Седеющая шкура окрасилась кровью и труп собаки шмякнулся на прибрежные камни. Закир вытащил нож, отер его о шерсть Джухи и снова заткнул за пояс. Потом подхватил оставленного было ягненка, а следом за ним и второго.

Все это время Дарда стояла недвижно. Она растерялась, что бывало с ней крайне редко. Не то, чтоб она ожидала, будто кто-нибудь из наблюдавших за происходящим пастухов ей поможет. Никто никогда ей помогать не будет – это она усвоила очень хорошо. Но на нее никогда не нападали взрослые. Дети, подростки, ее ровесники – сколько угодно, а взрослые нет. Очевидно, они полагали это ниже своего достоинства. Офи не в счет, он имел право бить и ругать ее.

О разбойниках Дарда, разумеется, знала, но прежде никогда с ними не сталкивалась. И хотя она несколько лет посвятила тому, чтобы быть готовой к подобной встрече, на нее нашло некоторое оцепенение.

Правда, бродяга на нее лично не нападал и не угрожал ей. Он попросту не принимал ее во внимание. Но он убил Джуху! Джуху, единственную подругу Дарды. И ягнята, которых он уносил, были ее имуществом. Значит, он бил и грабил ее, Дарду.

Ярость заполнила ее. Такая ярость, какой она не испытывала прежде. По ее телу выступила испарина, лицо, и без того уродливое, исказила судорожная гримаса. Дарде хотелось кричать и бить, бить, пока противник не изойдет кровавыми лохмотьями...

И, однако, она не потеряла власти над рассудком. Этот человек, сознавала Дарда, в несколько раз сильнее ее. И если она просто так на него бросится, он поступит с ней, как с Джухой. И Дарда постаралась сдержаться. Она не знала, что подавляемая ярость становится только крепче.

– Пусти ягнят, – произнесла она.

Закир обернулся – не оттого, что он собирался как-то отвечать на этот призыв, а от неожиданности. Он и позабыл о присутствии девчонки-пастушки. Вид ее бродягу изрядно

позабавил. Эта уродина, корчащая рожи, с косицами, торчащими как рога, могла бы превзойти шутов, развлекающих народ на сельских ярмарках. А голос, скрипящий, как несмазанное колесо! Он расхохотался, затем взвалил одного ягненка на плечи, второго засунул под мышку, и стал подниматься по тропе.

Овцы мекали, толпясь у воды. Наверху, над обрывом брехали собаки. Хозяева псов помалкивали. Спина Закира мелькала между скал, маня Дарду сдернуть с плеча лук и выстрелить.

Но она не сделала этого. Теперь она позволила ярости подчинить себя, и делала то, что ярость приказывала. А ярость приказывала не стрелять.

Промедлив всего лишь миг, Дарда, оттолкнувшись длинным посохом, взлетела на вершину ближайшей скалы. Чтобы перепрыгнуть на соседний валун, посох ей уже не понадобился. Подъем она одолела прежде, чем Закир успел добраться до середины тропы. Он остановился, удивленно моргая. Безобразная девчонка, оставленная им далеко позади, вдруг оказалась впереди него. Она стояла над обрывом, преграждая ему дорогу, сжимая в руке ремень с петлей. И повторила так же глухо:

– Пусти ягнят.

Решительно, смотреть на это чучело было невозможно. Особенно, когда она стала раскручивать над головой свой ремешок. Точно так же шуты размахивали на праздниках трещотками. Сейчас треска слышно не было, но все равно, ужасно смешной представлялась Дарда Закиру..

Галька из сумки Дарды годилась только на то, чтобы сбить человека с ног, для убийства она не была предназначена. Но Дарда не взяла в расчет того, что сбивает противника с ног на крутой тропинке, над рекой с каменистым руслом. Зато это взяла в расчет ее ярость.

Закир все еще смеялся, когда камень попал ему в лоб. Возможно, смеялся и когда летел вниз. Но когда упал, уж точно не смеялся.

Он лежал, сложившись пополам, растеряв в полете не только ягнят, но и силу свою, и грозный вид. Череп его при ударе о прибрежные камни раскололся, и кровь, смешанная с мозгами, расплзлась в чистой воде священной Зифы.

Вечером на усадьбу к Офи пришел старейшина селения. Был он, вопреки званию, отнюдь не стар. Старейшинами избирались главы из наиболее почитаемых и состоятельных семейств, и были это, как правило, люди средних лет. так что посетитель был ровесником Офи, если не моложе. Шел он, однако, не торопясь, как степенный старец, не только потому, что так прилично было его званию, но и ради цели визита, не слишком приятной для хозяина. Старейшина явился сообщить о приговоре, вынесенном дочери Офи за совершенное ею преступление.

Не за убийство. Обычай позволял защищать свое добро, и даже за убийство полноправного члена рода при определенных обстоятельствах не стали бы карать по всей строгости. Убийство изгоя, тем паче – грабителя, и вовсе не считалось преступлением. Однако труп Закира упал в реку, осквернив ее. Дарда совершила святотатство.

Если бы случившемуся не было свидетелей, дело можно было бы как-то замять. Сказать, что Закир упал не в воду, а на прибрежные камни. Но люди видели – труп лежал в воде, и умолчать об этом было невозможно... то есть возможно, убей Закира кто-нибудь другой. Кто угодно, кроме Дарды. Эти пастухи, взрослые сильные мужчины, покорно терпели выходки обнаглевшего грабителя, потому что боялись его. А сопливая девка не испугалась. И теперь им было стыдно. Впрочем, способ избавиться от этого тягостного чувства придуман давно, и действует одинаково что в больших городах, что в глухих селениях. Нужно найти виноватого. Он (или она) всегда находятся, особенно если это создание безобразное, злое и никем не любимое.

Дарда осквернила реку. Если не провести ритуал очищения, поля, на которые попадает вода из реки, не дадут урожая, а скот эту воду из реки пьющий, вымрет. А очищение требует затрат. Пусть платит та, кто виновна.

Никто, разумеется, не требовал от Дарды, чтобы она возмещала ущерб сама. За женщину отвечает муж, за девушку – отец, в крайнем случае мать. А Дарда к тому же еще не вошла в совершенные лета. Так что платить должен был Офи.

Это старейшину и смушало. Офи он знал хорошо, и был уверен, что тот не примет покорно решение совета. Может, даже собаку спустит...

Но брехливый пес сидел на привязи, и только для порядка вякнул, когда в ворота вошел чужой человек. Волновало же его совсем другое, и стоило лишь носом потянуть, дабы угадать, что. Для этого и собачье чутье не требовалось.

Во дворе располагалась большая открытая печь, сложенная из камней, обмазанных глиной. Усадьба Офи не составляла исключения – в большинстве селений хозяйки пекли хлебы, варили и жарили вне дома. И сегодня огонь в печи пылал особенно жарко, и на огне булькал котел с душистой похлебкой, и Самла следила за ним. Офи рубил мясо на плоском камне. Супруги не обменивались шутками относительно предстоящего пиршества, как делали бы многие другие. Виноват был не только мрачный нрав Офи. Пиршество было вынужденным. Несчастные ягнята, покраденные и утерянны грабителем, переломали себе ноги. Ничего не оставалось, кроме как их забить.

Завидев пришельца, Самла отложила ложку с длинной ручкой, которой мешала похлебку, и скромно отошла к дому. У входа на шесте висел лук – оружие, не подобающее честным пастухам. Старейшина огляделся не без опаски. Уродки нигде не было видно. Ее собаки – тоже. (Ему не сказали, что Джуху убили.)

– Зачем пришел? – грубо спросил Офи.

– Мир этому дому, – с нарочитой вежливостью ответил старейшина. А затем достаточно учтиво, многословно, с выражением глубочайшего почтения хозяину дома, сообщил, что старейшины селения, совместно со служительницей богини решили, что в возмещение убытков, причиненных как общине, так и ее божеству, Офи обязан выплатить штраф в размере пяти серебряных нирских маликов.

Офи принялся орать даже громче, чем старейшина от него ожидал. И его можно было понять – сумма была огромная, старейшина не припоминал, чтоб такое возмещение назначали за деяние подобного рода, да еще сотворенное несовершеннолетней. Офи рычал, шипел и плевался, заявляя, что не намерен отдавать то, что нажито таким трудом за много лет, ради прихоти бездельников, которые только и умеют, что сидеть на своих жирных задах и пережевывать сельские сплетни, точно глупые бабы, да еще эта старая дура туда же лезет со своими бреднями! Пять серебряных! Да у него отродясь столько не было, свихнулись вы там, в деревне, что ли! Он вообще никогда в руках серебра не держал!

Старейшина проглотил все оскорбления, и отвечал, что Офи неправильно его понял. Это так принято говорить, вынося приговор – столько-то серебряных маликов, столько-то золотых. Конечно же, деньги ходят в городах, а в деревнях их видят разве что в руках торговцев и купцов. И он, старейшина охотно верит, что почтеннейший Офи не только не владеет таким количеством серебра, но и не держал его не в кошеле или в руках. Однако совет имел в виду лишь, что стоимость выплаченного штрафа в переводе на денежное исчисление должна равняться пяти серебряным маликам. А уж в то, что стоимость имущества почтеннейшего Офи не дотягивает до названного, старейшина не поверит никогда. Оно стоит гораздо больше, в пять, а то и в десять раз (тут старейшина соврал). И уважаемый Офи ничуть не пострадает, если передаст общине четырех курдючных овец, два мешка шерсти, дюжину голов сыра, и две дюжины мер зерна. Недостачу можно восполнить за счет мелкой птицы и вязок сладкого лука.

Офи разразился еще более злобной бранью. Но сколько бы он ни ярился, платить придется, он это понимал, и старейшина тоже. В случае отказа он становился изгоем, таким же, как Закир, а для человека на возрасте, обремененного имуществом и семьей, это было никак не подобно.

Офи кричал, старейшина стоял на своем, похлебка в котле бурлила, и Самла, молча, проходя мимо мужчин, доливала туда воды, и снова скрывалась в доме. К тому времени, когда спорящие пришли к соглашению, мясо уже сварилось, и всякий хозяин обязан был пригласить гостя откусать, тем более, что гость – не босоногий мальчишка, а человек почтенный и облеченный определенной властью. Но только не Офи. И уяснив, что приглашения он в этом доме он не дожидается, обиженный старейшина на прощанье сказал:

– А девку твою учить надо. Крепко учить! Сегодня она бродягу до смерти пришибла, завтра – кого-нибудь из нас, а после и до родителей доберется. Я бы на твоём месте её продал, да только кто страшилище такое купит?

Когда старейшина ушел, Офи первым делом кинулся к висевшему на шесте луку и сорвал его оттуда. Самла тихо охнула. Но Офи вовсе не собирался целиться в спину обидчику, да и не умел он стрелять. Вместо этого он сломал лук об колено, зачем-то сосредоточенно растоптал обломки, а затем швырнул их в печь. После чего метнулся к загону для скота, и выволок оттуда Дарду, которая во время разговора там пряталась. Швырнул её на землю посреди двора.

Дарда с самого возвращения ожидала, что отец будет её бить, и успела к этому приготовиться. Однако взамен ударов на неё обрушились слова:

– Убирайся! В пустыню, в горы, только вон отсюда!

Против обыкновения, Офи не орал, а почти сипел, голос его прерывался. Злоба душила его, как неопытный убийца.

Развернувшись сидя, и машинально цепляя рукой валявшийся рядом с ней посох (она все время таскала его за собой, и выпустила лишь, когда упала), Дарда таращилась на него во все глаза.

– Убирайся! – повторил Офи. – И не проси, чтоб я тебя простил, нечего мне тебя прощать, уродина, я тебе не отец!

Самла в дверном проеме слабо охнула. Офи мгновенно повернулся к ней, словно она завопила во весь голос.

– Что заныла! Надо было сразу выбросить эту тварь. Она во всем виновата! И ты тоже, дура! Говорили же, что это подменыш! Из-за неё у нас не было больше детей! А теперь она нас грабит и разоряет! Хочешь дождаться, пока она нас убьёт? Вон, сказали тебе! – он снова обернулся к Дарде. Та все еще медлила, переводя взгляд на мать.

Салма обычно избегала глядеть в лицо дочери. Но теперь она не отвернулась. С заметным усилием, негромко, но отчетливо, произнесла:

– Уходи. Ты не наша дочь.

И только после этого опустила на лицо покрывало.

Дарда поднялась с земли. Она ушибла ногу, когда упала, и ей пришлось опереться на посох. Она не ждала от жизни ничего хорошего, и заранее готовилась ко всем возможным ударам судьбы. Но беда пришла оттуда, откуда Дарда её не чаяла. Она могла представить что угодно, кроме того, что родители от неё отрекутся. И она была оглушена, потрясена, убита.

Неуклюже припадая на ногу, она побрела к распахнутым воротам. Брехливый пес лаял ей вслед и рвался с цепи.

ДАЛЛА

Все эти годы она жила как во сне, хотя не сознавала этого, полагая, что так и должно быть. И лишь потом ей стало ясно, что сон этот был прекрасен. Все обожали ее, все заботились о ней – отец, мать, муж, слуги, подданные. Было одно существо, о котором должна заботиться она – сын, но такая забота не была тяжелой.

Нельзя сказать, что вся жизнь Даллы состояла из одних радостей и удовольствий. Она испытывала горе, когда умерли Адина и Тахаш, испытала боль при родах. Но всеобщая любовь, волнами накатывающая на нее, исцеляла, затягивая раны, прежде чем они начинали кровоточить. Может быть, окружающие втайне заботились и о себе. Они привыкли любоваться Даллой, а красота ее была столь совершенна, что сама мысль, что ее могут исказить рыдания, была неприятна. Впрочем, буйное веселье такой красоте тоже не подходило. Совершенству приличествует спокойствие.

Она и была спокойна. Спокойна и благожелательна. Об этом позаботились ее воспитатели. Давно минули времена, когда царицы и княгини Нира самолично вершили судьбами своих городов, доверяя мужьям и соправителям лишь дела войны. Теперь они ведали только заботами женской половины дворца. И многие восприняли такие перемены без сопротивления. Отдавая мужчинам власть, они одновременно избавлялись и от связанной с ней ответственности. А дочери этих княгинь и цариц уже не догадывались, что может быть как-то по иному.

В Маоне, где в прошлое правление старые традиции были еще сильны, княгиня Адина хотя бы присутствовала на совете, в суде, или на приемах послов. Далла была избавлена от этого бремени. Конечно, в нравы маонской знати проникли новые веяния, требовавшие, чтобы женщина вела более затворническую жизнь. Свобода допускалась лишь для жриц Мелиты. И, пусть Тахаш не был в восторге от чужеземных культов, против этого он ничего не мог возразить. Богиня недвусмысленно указала, что покровительствует дочери князя. Чудесное преображение Даллы привлекло в храм Маонской Мелиты множество паломников, как из Нира, так и из других стран. А где паломники, там и купцы и ремесленники. За полтора десятилетия Маон во многом изменил свой облик, утратил былую старозаветность и благолепие, стал более шумным и суетливым, но зато и заметно обогатился. Так что Тахаш, нравилось ему это или нет, вынужден был покровительствовать храму Мелиты. Да он ничего против и не имел. Он лишь озаботился тем, чтоб Далла не знала о некоторых крайностях культа – тех, о которых не стоит знать невинной девушке и дочери знатных родителей.

Верная Бероя, хоть и была ревностной прихожанкой Мелиты, так же делала все возможное, чтоб ничего не смущало покой ее любимицы. За это время она совершенно поседела, морщин на лице ее прибавилось, но оставалась по-прежнему бодра и сильна, легка на ногу, и никто не назвал бы ее дряхлой старухой. Она всегда была рядом с Даллой и могла гордиться тем, что пестует в княжеской семье уже третье поколение.

Она была рядом с Даллой, когда та играла в дворцовом саду с подругами, утешала ее после смерти Адины, наряжала и наставляла перед свадьбой, и она же вместе с повитухой приняла при рождении сына Даллы – Катана. Теперь она, разумеется, большую часть своего времени уделяла мальчику. Как ни любила она Даллу, а все же маленькие дети требуют большей заботы. Даже если они такие сильные и здоровые, как Катан.

Его Бероя никогда не носила в храм Мелиты. Культ перестал считаться чужеземным, но мальчику, тем паче наследнику княжества, это не подходило. Его следовало посвятить Кемош-Ларану, богу войны. Правда, этого бога в Маоне пока что не очень почитали, но, вероятно, это был вопрос времени. Ведь на трон воссел новый князь, Регем, сын Иорама. А Регем был родом из Зимрана.

Завоеватели явились в Нир примерно пять поколений назад. Утверждали, что будто бы из-за моря. Возможно. А возможно, что это были сородичи племен побережья – у них было немало общего и в языке и в обычаях. Во всяком случае, даже теперь новая знать предпочитала держаться подальше от гор и пустынь, привычных коренным народам.

И тем не менее "коренные" войну проиграли, несмотря на то, что для многих это было занятие обычное. Для многих. Но не для всех. Большинство жителей Нира было – и предпочитало быть землепашцами, пастухами, ремесленниками, торговцами. Со стороны моря пришли только воины. И хотя их было меньше, сражаться они умели лучше, их доспехи были прочнее, и они воевали на боевых колесницах, которых не знали в Нире.

Как водится, вместе с людьми сражались их боги. И Хозяин Небес отступил перед шлемоблещущим Кемош-Лараном. Утвердившись в Зимране, пришельцы воздвигли своим богам великолепные храмы, а старых богов если не изгнали, то изрядно потеснили. Хаддад одряхлел, говорили они, да он и не был никогда настоящим воином, а всего лишь пастухом облаков и погонщиком ветра. Кроме того, он давал слишком много воли своей Никкаль, и та отхватила под свою власть слишком много ремесел. Мелита знает только одно ремесло, но знает его хорошо.

А зимранские певцы, на все царство прославленные, примиряя новую и старую веры, пели о том, как однажды Мелита тайком взяла прялку и веретено Никкаль. И Никкаль, застав ее за прялкой, рассердилась на младшую богиню – нет, не за кражу, а за то, что занялась Мелита не своим делом. И пригрозила, что если еще раз застанет Мелиту за работой, то все ремесла свои передаст ей. И будет Мелита целыми днями прясть и ткать, и чесать шерсть, и сбивать масло. Испугалась Мелита, что даже ее бессмертная красота не выдержит столь тяжких трудов, огрубеют ее руки, обвиснут груди, растрескается кожа, и станет она согбенной, черной от солнца старухой. И поклялась она отныне не знать никакой работы, и занята лишь тем, что пробуждает любовь в людях, богах и животных. Эту песню знали даже в тех областях, где новых богов совсем не чтили, хотя там, конечно, вкладывали в нее совсем другой смысл, чем зимранцы, прославлявшие Мелиту Прекрасную.

Мало кто из пришлых привел с собой жен и наложниц. И обычные воины, особенно те, кто поселились вдали от Зимрана, довольно скоро смешались с местным населением. В Зимране – там блюли и происхождение и обычаи. Но – единокровных царевен и княжен на всех не хватит, а простолюдинок в законные жены брать не пристало. Приходилось жениться на девицах из нирской знати. Так что через два-три поколения мало кто из зимранских аристократов мог похвастаться чистотой происхождения. Из смешанной семьи происходил и Регем, муж Даллы. Он носил уже нирское имя (как и его отец, кстати), лицом и фигурой также мало напоминал своих иноплеменных предков, похвалявшихся ростом и сложением. Но, как ни пришлась ему по вкусу жизнь в провинциальном Маоне, вырос он в Зимране, и впитал тамошние обычаи если не с молоком матери, то с городским воздухом точно. О том, что раньше здесь жили как-то иначе, он имел представление смутное. Хаддад и Никкаль для него были мелкими идолами, принадлежавшими эпохе варварства. Он не стал насильственно прививать Маону почитание Кемош-Ларана. Это казалось ему изменой Зимрану, который был не только столицей, но и городом, где стоял главнейший храм воинственного бога. Иное дело Мелита, ее можно чтить везде. Тем более в городе, где жила любимица богини.

Жена в глазах Регема была во всем подобна своей божественной покровительнице. Ее красота, словно красота Мелиты, была совершенством без порока, и как Мелита, Далла не знала другого занятия, как пробуждать любовь. Он никогда не попрекал жену за то, что она не вникает в домашние дела, не заходит на кухню, не ведет счет припасам, и не сидит за ткацким станком. Разве праздность не есть удел Мелиты? А значит и Далле подобает гулять

в саду, купаться, слушать флейтисток, блюсти свою красоту, и встречать мужа в постели всегда свежей и отдохнувшей. Для всего прочего есть слуги.

Таково было его мнение. Но вообще-то официальным воплощением Мелиты в каждом городе считалась верховная жрица храма богини. А верховный правитель воплощал собою Кемош-Ларана. И подобно тому как боги даруют плодородие земле и всему, что на ней обитает, так правитель ради благополучия своих подданных, должен раз в году, во время весеннего праздника Мелиты, всходить на ложе жрицы. Покойный Тахаш ритуалом священного брака пренебрегал, как в силу своих старозаветных воззрений, так и вследствие преклонного возраста. А вот Регем, молодой и воспитанный в почтении к Кемош-Ларану и Мелите, пренебречь им не мог. Он даже бы не помыслил уклониться от обряда, пусть этот священный брак его не сильно привлекал. Конечно, нынешняя жрица Мелиты уже не была той дряхлой старушкой, при которой свершилось чудесное преображение Даллы. Преображение жрицы свершилось более тривиальным образом. Старушка умерла, и на ее место заступила молодая преемница. Сейчас она была уже не так юна, лет на десять старше Регема, но оставалась женщиной цветущей и вполне привлекательной, так что совместный с ней ритуал совсем не вызывал отвращения. Но Регем любил жену, и ему казалось, что деля постель со жрицей, он обижает Даллу. Особенно когда он понял, что из-за религиозной нерадивости отца, Далла о священном браке не имеет никакого понятия. Регем также довольно долго умалчивал о сущности обряда. Но когда он наконец набрался мужества, и с тяжелым сердцем рассказал ей, что вынужден был совершить, она взглянула на него с искренним изумлением, недоумевая, в чем, собственно, он перед ней провинился. И ее великодушие заставило Регема чувствовать свою вину еще сильнее, и он старался быть к жене как можно внимательнее.

Сказать по правде, навязчивая любовь мужа порой раздражала Даллу. Она предпочла бы, чтоб он навещал ее пореже. Но она была далека от того, чтобы высказать это пожелание вслух. Хотя отец не спрашивал ее согласия относительно будущего замужества (не из жестокости, просто не было случая, чтобы дочь ему противоречила), ничего против Регема она не имела ни до, ни после заключения брака. Он был хорошим, добрым человеком. О лучшем она не мечтала. Зачем мечтать той, которая спит? Сын тоже не доставлял ей хлопот. Он удался в мать не только наружностью, но и крепким здоровьем, и спокойным нравом. Далла играла с ним, наряжала, брала на прогулки, иногда пела ему песенки, которые в детстве слышала от Берои. Обо всем прочем та же Бероя и заботилась. Регем тоже. По обычаю знатной семьи, мальчики до пяти, а то и до семи лет оставались на женской половине, и большинство отцов не шибко уделяло внимания наследникам, покуда они оставались на попечении женщин. Хорошо, если удосуживались изредка на них взглянуть. Регем был не таков. Сына он любил, и занимался его воспитанием даже больше, чем Далла. Пуще того – когда мальчику пошел четвертый год, Регем стал брать его с собой в различные поездки – на охоту, шествия и жертвоприношения. Разумеется – в колеснице, для того, чтобы ездить верхом, Катан был еще мал. Но и так за год он повидал больше того, что творилась за пределами дворца и города, чем его мать – за всю жизнь. А на будущий год отец собирался и в седло его сажать. С этим, правда, была задача. В прежние времена в Нире даже знатные люди не брезговали ездить на ослах, при новой же династии это считалось зазорно. Приходилось искать мула или кобылу посмирней. Для начала. А вслед за верховой ездой Катану предстояло учиться владеть оружием. Ибо будущий правитель обязан быть воином. Воином, при всем своем добродушии и мягкости характера был и Регем. Притом, что за Маон ему не пришлось сражаться ни разу. Но человек, принадлежавший к зимранской знати и служивший Ксуфу, не мог стать никем иным. Регем был отличным наездником, превосходно владел боевым топором, мечом и копьем. В походах под началом Ксуфа ему приходилось сражаться как верхом, так и в колеснице, был изощрен в приемах кулачного боя (это искусство, ранее не известное в Нире, завоеватели принесли с собой, и оно распространялось все

шире). Регем собирался обучать своего сына и наследника. И как не убеждали его советники не спешить, он не слушал. Хотя в последние несколько лет в Нире не случилось сколько-нибудь значительных войн – царское войско еще не оправилось от поражения, которое нанес Ксуфу наместник Шамгари – Регем не верил, что такое положение может продлиться долго.

Война с Шамгари приключилась за год до замужества Даллы, и стало быть, больше пяти лет назад. Столько лет в мире – для Ксуфа это невыносимо. Он и не выдерживал время от времени. Правда, вновь напасть на Шамгари Ксуф не решался. Тем более, что на сей раз ему противостоял бы уже не наместник, а сам царь Гидарн, вернувшийся из дальнего похода. А ему лучше было не напоминать о своем существовании. В отличие от Ксуфа, которого певцы именовали "буйный бык", Гидарна скорее следовало сравнить со слоном, отнюдь не злым, но способным походя раздавить того, кто ему подвернется. Однако, кроме Шамгари, имелись и другие соседи, не такие сильные, а предлог для войны... предлог всегда можно найти, если кровь играет. Все же эти войны больше смахивали на набеги, а ради набегов Ксуф не считал нужным созывать своих князей. Достаточно было и тех воинов, что постоянно находились в Зимране. Но временами Ксуф заводил речи о большом походе, не называя точного противника. Недоброжелатели (а у Ксуфа были недоброжелатели, у кого из правителей их нет?) говорили, что Ксуфу следовало бы больше заботиться не о приумножении подвластных земель, а о продолжении царского рода. Разумеется, говорилось это не в Зимране – там за подобную хулу на царя можно было и жизни лишиться. Но что правда, то правда – детей у Ксуфа не было. Даже от наложниц. И ни у одной из законных жен. Первой была княжна из Калидны. Ксуф женился на ней вскоре после того, как вступил на престол в Зимране. Через восемь лет она была возвращена отцу, как неплодная. Возмущенный родитель напал на Зимран, последовала жестокая война, которая, впрочем, скоро заглохла сама собой. Очевидно, князь Калидны счел, что смысл оскорбление, нанесенное его дому, кровью нирцев, и не настаивал на возвращение дочери на зимранский престол.

Незадолго до злосчастного похода на Шамгари Ксуф женился во второй раз. Теперь его избранницей стала девушка из благородной зимранской семьи, также из потомков завоевателей. Имя ее было Гипероха, и оказалась она не более плодovитой, чем ее предшественница. Итак, Ксуфу было почти сорок лет, и он все еще не обзавелся наследником. Поскольку многие женщины – как во дворце, так и за его пределами, могли подтвердить, что "буйным быком" царя именуют не зря, и от священного брака он никогда не уклонялся – и в Зимране, и в других городах, если бывал в походе – Ксуф был мужчина из мужчин. И оставалось лишь посочувствовать царю, что ему так не везет с женами.

До Даллы доходили слухи об этом – пусть в том искаженном, перелицованном виде, в каком любое известие попадает в женские покои. Но хотя она выслушивала болтовню слуганок и ближних женщин, несчастья правящего дома Зимрана ее не слишком волновали. Сказать по правде, ее не волновало ничего, происходящее за порогом собственного дома. А то, что происходило в доме, давало мало поводов для беспокойства.

Но вечно такая благодать продолжаться не могла. Печальная весть достигла княжеской семьи, и пришла она именно из Зимрана. Заболел почтенный Иорам, отец Регема. Он был уже весьма в летах, и это известие никому не показалось неожиданным. Далла видела свекра лишь однажды – он приезжал в Маон не свадьбу сына. Ее не удивило, что Иорам так стар – ведь ее собственный отец был ему почти ровесником. В отличие от Даллы Регем был в семье не единственным, а младшим. Однако его старшие братья погибли в войнах или умерли в детстве. В живых оставались только сестры, но они были замужем и жили при своих семьях.

Возраст Иорама оставлял мало надежды, что болезнь его завершится выздоровлением. Посему сыновний долг и почтительность призывали Регема в Зимран. Приличие и достоинство рода требовали также, чтобы свекра посетила Далла. О предстоящих погребальных церемониях, на которых ей предстояло присутствовать, вслух не говорилось. Регем

с тяжелым сердцем просил жену сопровождать его – и оттого, что был расстроен надвигающимися событиями, и оттого, что беспокоился, как Далла перенесет тяготы пути. Но она спокойно согласилась.

А вот Катану, решил Регем, в столице делать нечего. Причем здесь его возможные дорожные трудности не пугали. Мальчикам, считал он, нужно привыкать к испытаниям как можно раньше. В данном случае пусть узнает, что есть неизбежная разлука с родными. Для этого он уже достаточно большой. Кроме того, полагал Регем, сыну все равно предстоит, войдя в возраст, служить царю – успеет еще наглядеться на столицу.

Катан поплакал, конечно, хотя ему и внушали, что княжескому сыну и будущему воину это никак не пристало. Но суета приготовлений к отъезду, самый вид стражи, сопровождавшей Регема и Даллу, тяжелых мечей и тугих луков, лошадей в новой сбруе, вопящих выючных ослов – все это заставило его отвлечься и утешиться. Гораздо глубже была печаль Берои. С рождения Даллы – а тому было почти двадцать лет – она не расставалась с воспитанницей ни на один день. И внимательный наблюдатель мог бы заметить, что, хотя Бероя добросовестно заботилась обо всех своих подопечных из княжеского дома, привязанность ее к Далле была сильнее прочих. Удивляться тут было нечему. Далла и Бероя были связаны иными узами, помимо тех, что роднят няньку и питомицу – узами чуда. Однако, как ни огорчала ее будущая разлука, верная прислужница понимала, что никому иному, кроме нее, Далла доверить сына не может. И Бероя осталась в Маоне блюсти княжеский дом.

Регем не зря беспокоился насчет тягот пути. Тревожась об отце, он хотел ехать как можно быстрее. Сам он, верхом или в колеснице, преодолел бы расстояние от Маона до Зимрана в считанные дни. Но присутствие женщин – а Далле никак не подобало ехать без сопровождения служанок – не могло не замедлить продвижения. Кроме того, Далла никогда не ездила верхом, а в колеснице пристало путешествовать лишь воинам, так предписывалось традициями Зимрана. Да и не будь этих традиций, на тряской дороге под палящим солнцем было бы просто мучительно.

Поэтому для Даллы были устроены конные носилки. Это так говорилось "конные", а на самом деле влекли их мулы. Носилки были крытые, со всех сторон занавешенные плотной тканью, что позволяло спастись от солнца, палившего в степях вокруг Зимрана нещадно. Правда, было душно, но тут уж ничего поделать было нельзя. В носилках размещалась только Далла, ее служанки ехали верхом на ослах, вслед за мулами, везущими госпожу. Может быть, они предпочли бы пойти пешком, но Регем слишком торопился, чтобы обращать внимание, каково трястись на ослах рабыням его жены.

Женщина с иным характером огорчилась бы, поняв, что из носилок ничего не видно. Далле это было безразлично. После первого дня в дороге, довольно тяжелого, она припророчилась к носилкам, и на протяжении всего дальнейшего пути целыми днями дремала, свернувшись клубочком. Регем ехал верхом, но в виду Зимрана перебрался в колесницу, ибо в столице, согласно здешним обычаям, знати приличествовал именно такой способ передвижения. Далла не стала откидывать завесу носилок, и до нее в полумраке доносились восклицания и оханья тех людей свиты, кто впервые зрел воспетый Зимран.

Было отчего охать. Зимран был выстроен из белого камня, а умелые зодчие украсили дворцы и храмы сколами горного хрусталя. И казалось, будто город на равнине, под лазурным небом, воздвигнут из снега и льда, слепящих глаза, и обретших чудесное свойство не таять под жарким солнцем. Но Далла, никогда не видевшая ни льда, ни снега, не поняла бы этого сравнения.

Немного задержались у главных ворот. Ибо, пусть Регем обладал правом беспошлинно въезжать в Зимрана, городская стража все равно не пропустила бы беспрепятственно так много людей. И отправились к большому, обнесенному высокой стеной родовому имению Иорама.

Регем поспешал напрасно – в живых он отца не застал. Почтенный Иорам тихо отошел во сне два дня назад. За порядком в доме следила старшая сестра Регема Фарида, переехавшая сюда, когда Иорам перестал вставать с постели. Она-то и послала гонца к брату, и намеревалась, сколь возможно, задержать погребение до его прибытия, хотя и вела соответственные приготовления. Так что тело Иорама, сына Ксенократа, все еще оставалось на этой земле.

Регем, конечно, был от всей души удручен, что не успел выказать отцу долг уважения. Но убивался не слишком – он успел подготовиться к неизбежному. Сейчас ему надлежало позаботиться о достойных Иорама похоронах, а также погребальных играх в честь покойного. Это также не оставляло времени для переживаний. Забот о наследовании имущества у него не было. Затруднения могли возникнуть лишь при наличии нескольких наследников мужского пола, так как закон определял право определять наследника за отцом. Право первородства не оговаривалось, и наследовать не могли лишь сыновья, рожденные наложницами и рабынями. Дочери получали свою долю полностью в качестве приданого, и в дальнейшем ни на что претендовать не могли. Таким образом, Регем оставался единственным законным наследником.

Как и Регем, Далла не плакала, хотя и понимала, какое горе постигло ее мужа – ведь ей тоже пришлось потерять отца. Но и тогда и теперь она встречалась со смертью в достойном, даже благородном облике. Это было горе, но не беда.

Регем отдал ее в эти дни на попечение Фариды. Они сидели в женских покоях вместе. Далла благожелательно слушала рассказы золовки об ее семье, о детях. Сама лишь изредка вставляла отдельные фразы. Ей было грустно и томно, она скучала по сыну, по Берое, по родному дому. Фарида догадывалась об этом и сочувствовала ей. Но она не могла понять, почему Далла ничего не делает, чтобы развеять эту тоску. Сама Фарида не так давно овдовела, у нее было трое детей, старший из которых – Бихри, скоро должен был достичь совершеннолетия и вступить во владения отцовским достоянием. Но он собирался, принеся присягу царю, служить ему вооруженной рукой, и следовательно, все бремя хозяйствования по-прежнему оставалось на плечах Фариды. Но она и до замужества приучена была не сидеть без дела, и коротала дни за прялкой, ткацким станком либо вышиванием. Вряд ли ее можно было принять за живой образ Мелиты, не утруждавшей себя никакой работой. А от Даллы можно было ожидать, что она в крайнем случае сделает несколько стежков, а потом выронит рукоделие или вовсе забудет о нем.

И все же Фарида была далека от того, чтобы осуждать ее. Не то, чтоб она, подобно жителям Маона склонна была видеть в Далле избранницу богини. Но Фарида была очень привязана к младшему брату, а тот любил жену, и похоже, жил с ней счастливо. За это Фарида простила бы ей и худшие недостатки, чем лень. Вдобавок Далла принесла за собой в приданое Маон, и родила Регему прекрасного здорового сына. Так что если ей нравится бездельничать, пусть бездельничает в полное свое удовольствие. В глубине души она была даже рада тому, что Далла не посягает на то, чтобы вести себя хозяйкой в их родовом доме, хотя ни за что бы не призналась в этом.

Меж тем близился день похорон. По исконному обычаю Нира умерших погребали в земле, а для людей состоятельных и знатных строили гробницы. В знак траура обрезами волосы, а бывало, что наносили себе порезы по телу, правда, до таких крайностей, что происходили в Шамгари, никогда не доходили. Там в знак особой скорби и траура исключительного, например, по царю, бывало отрезали себе уши. Приход завоевателей многое изменил. У них было принято сжигать умерших, а земляное погребение считалось низменным и рабским. Так отныне и повелось в столице, хотя за пределами Зимрана обычай этот плохо приживался. Были отменены также и проявления чрезвычайной скорби. Не рыданиями, посыпа-

ниями главы пеплом и стрижкой волос подобало воздавать честь усопшему, но воинскими играми. Так заповедал Кемош-Ларан.

В прежние времена бои проводились у курганов, насыпанных над прахом героев. Так повелось еще с достославных веков, когда предки нынешних жителей городов-крепостей кочевали по бескрайним, оставшимся за морем равнинам. Теперь никаких курганов не было, пришельцы переняли обычай строить гробницы и склепы, где хранились погребальные урны. Семьи победнее хоронили урны в земле и обходились без воинских игр. Но для знати это было обязательно. И сожжение и бои проводились за стенами Зимрана, на так называемом Погребальном поле, отделенном тополиной рощей от Города Мертвых – кладбища, где располагались и могилы бедняков, и склепы аристократов. Только царских гробниц там не было – даже в месте последнего успокоения царям не подобало тесниться среди подданных. Гробницы царей строились к западу от города, на дороге в Калидну.

В баснословные времена курганов, да и много позже в поминальных играх принимали участие свободные воины и пленные, захваченные ими в боях. Последним оказывалась честь – им предоставлялось право погибнуть с оружием в руках, окропив кровью могилу героя, а не влачить тягостное существование в позорном рабстве. Поединки продолжались до тех пор, пока не погибал последний пленник. И отнюдь не редкостью было, что обреченные на смерть прихватывали с собой противников. Тем больше чести герою! Павших сжигали на том же месте, дабы они догоняли ушедшего ранее. В настоящее время бои до смерти практиковались только на царских похоронах. Если в распоряжении не было достаточно военнопленных, их заменяли преступники, приговоренные к смерти. Что касается похорон зимранских аристократов, то здесь смертные поединки превратились скорее в состязания, в которых участвовали как наемные бойцы, так и люди благородного происхождения, обычно из друзей покойного (но не близких родственников). Возлияние кровью было заменено возлиянием вином.

Вряд ли стоит объяснять, почему все вышеуказанные обычаи относились лишь к похоронам мужчин.

Рано утром из дома Регема вышла похоронная процессия. Впереди шли флейтисты, за ними плакальщицы числом сорок. Они не рвали на себе волос и не царапали лиц, что считалось дурным тоном, но мерно и слаженно выводили скорбную песнь. Следом несли носилки с телом Иорама. Оно было полностью укутано драгоценной багряной тканью, расшитой золотом и пропитанной благовониями. За носилками неспешно катили две колесницы. Похороны относились к тем редким случаям, когда женщинам позволялось в колеснице ездить, хоть и не править. В первой находились Регем и Далла, во второй Фариды с сыном Бихри. Мужчины (а Бихри, которому шел пятнадцатый год, уже считался мужчиной) были, как предписано – в белом, женщины – в желтом. Замыкали процессию воины Регема и домашние слуги. Они несли оливковые и тополиные ветви, венки, а также кувшины с вином и маслом.

Те, кто хотел почтить память усопшего – а их было немало, собирались прибыть прямо на Погребальное поле. там же ожидали бойцы, которых нанял Регем. Друзья усопшего, те, что здравствовали, из-за преклонного возраста не могли принять участия в погребальных играх. Регем тоже не мог этого сделать, хотя и по другой причине. Существовал особый закон, запрещавший сыновьям сражаться на погребении усопших, а при отсутствии сыновей – младшим братьям и племянникам. Запрет возник в давние времена смертельных поединков, чтобы излишняя родственная почтительность не оставляла род вовсе без мужского потомства.

Далла сидела, одной рукой держась за боковой борт колесницы, другой – подхватив край покрывала. Хотя на скамейку положили набитую шерстью подушку, сидеть было жестко, тряско и неудобно. Перед ней маячила спина мужа. Регем правил, как и подобает,

стоя. Далла не хотела отвлекать его жалобами, и молчала. Ее угнетали высота и белизна построек, обступавших улицу, ей было душно, несмотря на то, что настоящая жара еще не наступила.

Когда выехали за городские стены, стало немного получше. Далла вздохнула, откинув покрывало. Нужно немного потерпеть, говорила она себе, и все кончится. Как хорошо, что женщинам не надо смотреть на эти глупые игры и участвовать в тризне...

Погребальное поле было сегодня оцеплено царской стражей – мрачными могучими парнями в кожаных латах и круглых шлемах с наушниками и надзатыльниками. Похожие шлемы носили стражники и в Маоне, но у этих знаком отличия служили бычьи рога. Далле это показалось несколько смешно, и она с трудом сдержала улыбку, вдвойне неуместную – из-за похорон, а также потому, что бык был животным божественным – посвященным и Хаддаду и Кемош-Ларану. Смеяться тут было нечему. Вооружение их составляли копья, за спиной висели луки и колчаны. Обилие стражи объяснялось тем, что почтить усопшего своим прибытием нынче собирался сам царь, и посему погребальное поле надлежало очистить от зевак. Люди Регема влились в ряды оцепления.

Колесница остановилась прямо напротив костра, сложенного еще накануне вечером – Регем лично за этим проследил. Костер был достоин знатного воина. Он был десяти локтей высотой и сложен из стволов кедра, сосны и можжевельника. Украшали его гирлянды из веток этих же деревьев.

Рабы подняли на вершину костра носилки с телом. Регем, передав поводья слуге, прыгнул на землю. Пора было начинать церемонию, но в отсутствие царя этого нельзя было сделать. Он сделал знак, и флейтисты с плакальщицами выступили вперед. Пусть музыка и пение восполнят вынужденную задержку.

Флейтисты вновь вступили тонко и пронзительно. Кони фыркали и прядали ушами. Ведь это были боевые кони, а флейты нередко подавали воинские сигналы.

Мощный герой, возлюбленный Кемош-Лараном Нас покидая, уходит в жилища блаженных. Как нам теперь обездоленным жить и убогим? Мир без тебя – как развалины после пожара – пели женщины.

И под скорбный напев на похоронное поле выехала вереница колесниц. Первая из них, запряженная двумя белыми жеребцами, была окрашена в ярко-красный цвет, терявшийся, впрочем, из-за чеканных накладок. Сбруя коней и спицы колес были вызолочены. За возницей возвышалась мощная фигура в пурпурном плаще.

Ксуф, сын Лабдака, прибыл.

Все мужчины, собравшиеся на поле, приветствовали его. Точнее – все свободные. Слугам этого не было дозволено. Далла, откинув покрывало, которое ветер бросал ей в лицо, без особого любопытства взглянула на царя Зимрана. Он не показался ей ни уродливым, ни особенно привлекательным. Пожалуй, только рост и крупное сложение выделяли его из остальных. Он был тяжеловесен, даже грузен – в сорок лет более, чем Тахаш в шестьдесят, а тот был мужчина не из мелких. Однако толстым его тоже нельзя было назвать. У него была пышная русая борода и такие же волосы. Лица его Далла не смогла рассмотреть из-за дальности расстояния и солнца, бившего в глаза.

Когда смолкли приветствия, Ксуф в ответ слегка наклонил голову – то ли отвечал, то ли повелевал продолжать церемонию. Вслед за тем гости печального собрания стали подходить к костру и поднимались по одному (для этого в поленьях были устроены особые ступеньки), чтобы положить на носилки какой либо памятный подарок. В настоящее время это было чисто символическое действо, не то, что раньше, в эпоху кочевий, когда вместе с усопшим на костер отправляли все и вся, что могло понадобиться знатному воину в будущей жизни – оружие, колесницу, коней, собак, жен, рабов. Коней, правда, в жертву еще приносили, но только на царских похоронах.

Последним к телу отца поднялся Регем. В руках он держал большой золотой кубок, украшенный чеканкой и до краев наполненный густым красным вином из Калидны. Вином Регем плеснул на четыре стороны света, а кубок поставил в головах у отца. Затем медленно спустился и взял факел.

Дрова были пропитаны маслом и смолой. Пламя вспыхнуло быстро и в считанные мгновения добежало до вершины костра, скрыв носилки, и без того почти не видные из-за груды венков и погребальных даров. Лишь золотой кубок успел сверкнуть – ярко, яростно, до рези в глазах. Ветер был сильный, и дым костра протянулся пышным белым султаном. Это был хороший знак. Кемош-Ларан принимал благородного Иорама, чья душа возносилась к нему. Но хотя душа Иорама, может быть, уже вошла в царство блаженных, огню предстояло пылать еще долго. Пока костер не прогорит полностью, вместе со всем, что на нем находится. Тогда прах Иорама соберут в урну, и наследник перевезет его в семейную гробницу в Городе Мертвых – именно туда уже потянулась вереница плакальщиц и музыкантов. Но еще прежде, пока пламя бьется с рычанием, пожирая то, что надлежит пожрать, на погребальном поле состоится действие, ради которого, большей частью, и собрался здесь цвет зимранской знати.

Регем тихо подозвал племянника. Погребальные игры не разрешалось видеть женщинам и детям (рабы не в счет, они не люди, их присутствие не может никого оскорбить). И теперь Регем распорядился, чтобы Бихри отвез домой мать и Даллу. Вряд ли Бихри – серьезный долговязый юноша, светловолосый и голубоглазый, был этим доволен – пусть он и не достиг формального совершеннолетия, но в пятнадцать лет мало радости, когда тебя причисляют к детям. Однако возразить новому главе рода он не решился.

Далла, напротив, в глубине души была очень довольна тем, что возвращается, хотя приличия не позволяли ей этого выказать. Достаточно было и того, что когда она выходила из колесницы, чтобы пересесть к Фариде, ей пришлось подобрать длинное платье, чтобы не споткнуться. При этом покрывало от очередного порыва ветра соскользнуло с ее головы и оставило простоволосой. По частью, оно не успело улететь – Бихри перехватил его и подал свойственнице, и во избежание новых неприятностей посадил в свою колесницу. Затем поднялся сам, принял поводья и тронул с места.

Теперь можно было начинать.

Регем выставлял на игры четыре пары бойцов. Две пары на мечех, две – на боевых топорах. Все бойцы были свободными людьми, учителями фехтования при царской гвардии. Погребальные игры были священным ритуалом, рабы могли на него смотреть, но никоим образом не участвовать (разве что военнопленные, но это уж статья особая).

Дрались одетыми – в легких льняных туниках, перехваченных широкими кожаными поясами, и сапогах военного образца. Нагота приличествовала лишь борьбе и кулачному бою, которые в Зимране чтили и много занимались, но на погребальных играх полагалось сражаться только с оружием в руках. И обязательно с боевым. Причем последнее правило относилось не к одним похоронным обрядам. Фехтовать на палках и деревянных мечех дозволялось только маленьким мальчикам, которые едва начинали изучать искусство боя. А дальше – никаких учебных мечей, никаких затупленных топоров и копий без наконечников. Разумеется, при таком обучении случались и ранения, и смертные случаи. Но для благородного человека лучше погибнуть от случайной раны, чем уронить свою честь, сражаясь неподобающим оружием, даже на состязании. Подумать только! До прихода завоевателей местные были столь дики, что воины у них – сказать противно – ездили на ослах! Сейчас их немного удалось научить уму разуму, но истинное понятие о воинском искусстве черни все равно недоступно. Так полагали в Зимране, и тщательно лелеяли свои традиции, презируя обычаи какого-нибудь Каафа, города торгашей и воров, где сражались затупленным мечом или вовсе на дубинках, не соблюдали правила "подобное против подобного" и в падении

нравов дошли до того, что допускали женщин не только смотреть на состязания, но и участвовать в них.

Когда в погребальном поединке сходились представители знати, всегда можно было ожидать, что прольется кровь. Не из-за недостатка умения, упаси Кемош-Ларан. Но воспоминание о каких-нибудь давних счетах, или просто азарт могли привести ритуал в настоящий бой. Поэтому знать и любила съезжаться на погребальные игры. Правда, в таких случаях распорядитель должен был прекратить поединок до того, как произойдет смертоубийство. Но иногда – очень редко – не успевал. Так что такое зрелище изрядно увлекало и веселило сердца.

Сегодня собравшимся не выпало увидеть подобного. Сражались наемники, а они делают все возможное, чтобы уберечь друг друга. Для них – это ремесло. Благородное, но ремесло. Тот, кто пытался подкупить наемного бойца, чтобы тот убил, покалечил или ранил противника, рисковал подвергнуться публичному поношению. Но и просто посмотреть на мастерство было приятно, а Регем не поскупился – нанял лучших из лучших.

Первая пара меченосцев уже выходила на середину поля. Они были вооружены фалькатами – широкими мечами с изогнутыми лезвиями, равно отличными и от старых нирских прямых мечей, и от клинков кочевников южного пограничья, у которых изгиб был круче, а лезвия к острию расширялись.

Обе фалькаты взметнулись одновременно, и солнце ослепительно заиграло на отполированных до зеркального блеска клинках. Совсем недавно так же огонь ослеплял сиянием золотого кубка, который сейчас плавился на костре. Все шло, как надо. Душа Иорама могла быть довольна. Она получала в дар самое драгоценное: чистое золото, чистое искусство бойцов. Даже если это, в конечном счете, всего лишь танец.

Был доволен и Ксуф, отметил Регем, а это случалось не часто. Но на тризну, которая состоялась после похорон, он не пошел. В тот вечер царь должен был принимать послов. Однако он обещал, что в ближайшие дни навестит своего верного подданного.

Далла тоже не была на тризне. Так велел обычай. И вновь ей оставалось порадоваться тому, что она не причастна к делам мужчин. Воистину, обычай мудр, а жизнь женщины гораздо легче. Вероятно, Фарида, которой по возвращении с погребального поля пришлось надзирать и за приготовлением кушаний, и за тем, чтоб их во время подавали в большую трапезную, думала по-иному. Но Далла не догадалась спросить ее мнения. Она была слишком утомлена ездой в тряской колеснице, ветром, жарой, и вернувшись, сразу легла спать.

Последующая неделя была траурной. Хотя, как сказано было выше, зимранские траурные обычаи были менее строги, чем изначальные, все же Регем должен был воздерживаться от развлечений – как-то: пиров, охот, посещения общественных бань по меньшей мере в течение семи дней. А жена его и вовсе не могла выйти из дому, даже в сопровождении родственников и слуг.

Даллу это несколько не огорчало. Одной поездки по улицам Зимрана хватило, чтобы насытить ее этим городом по горло. Она надеялась, что по окончании траура Регем не станет задерживаться в столице и они отбудут в милый Маон.

Ксуф появился спустя два дня после похорон, и не один, а в сопровождении супруги своей Гиперохи. Это была большая честь. Царица крайне редко показывалась на люди, рассказывала Фарида, она даже родственников почти не навещала. Ради подобной милости пришлось пренебречь крайностями траура, и Далла вместе с мужем, как подобает хозяйке встретила царственных гостей в большом зале.

Ксуф, облаченный в присвоенное только ему двуцветное, пурпурно-красное одеяние, появился с громогласными приветствиями, заключил Регема в объятия. Рядом с ним Регем еще больше, чем обычно, напоминал заморенного мальчишку, и они с Ксуфом являли презабавное зрелище. Но, соблюдая правила приличия, никто не рискнул засмеяться или хотя

бы улыбнуться. Гипероха поздоровалась с хозяевами тихо, почти шепотом, и вручила Далле подарок – янтарное ожерелье, оправленное в золото. Ксуф также одарил Регема дорогой перевязью для меча из тисненной кожи. После чего женщины удалились на свою половину, оставив Регема принимать Ксуфа и сопровождавших его близких придворных.

Фарида распорядилась, чтобы царице и Далле принесли фруктов, свежих и засахаренных, печений и сладкого вина. Затем ушла, чтобы заняться угощениями для большого зала.

И Далле впервые пришлось пожалеть об ее отсутствии. Как ни старалась она быть хорошей хозяйкой и занять царицу разговорами, ничего не получалось. Далла никогда не отличалась особой общительностью, и была сдержана в проявлении чувств, но по сравнению с Гиперохой могла показаться буйной и болтливой.

Далла не знала, сколько лет царице, хотя понимала, что та старше ее. Может быть, тридцать? Она была высокой, очень бледной (а синее платье и покрывало делали ее еще бледнее), как требовали каноны красоты – белокурой и голубоглазой. Но в кругах, залежавших вокруг глаз было больше синевы, чем в самих глазах, напоминавших тусклые лужицы дождевой воды, а волосы полностью утратили блеск и пышность. Оно и понятно – тридцать лет для женщины уже старость. Но у Адины и в пятьдесят лет руки так дрожали лишь на смертном одре, а у Берои, которая была еще старше, не дрожали до сих пор. У Гиперохи руки ходили ходуном, и Далла порадовалась, что на столе нет ножей, иначе царица непременно бы порезалась. Может быть, она была чем-то больна? Вряд ли, решила Далла, иначе Гипероха не отправилась бы в гости. Но что заставило ее это сделать? Ведь ей в доме Регема было совсем неинтересно. Она жалась куда-то подальше от света, и если нельзя было отмалчиваться, говорила тихо и по возможности кратко. Всякий шум, даже если это был стук переставляемого на столе блюда, заставлял ее вздрагивать. Далле приходилось встречать рабынь, державшихся с большей уверенностью, чем царица Зимрана. Казалось, она вот вот заплачет – за это говорили набрякшие влагой глаза, опущенные углы губ, весь ее жалкий вид. Но Гипероха не плакала.

Просто она несчастна, догадалась Далла. Несчастлива, потому что у нее нет детей.

По большому счету догадка ее была верной. Более верной, чем Далла в состоянии была понять.

Общение мужчин тем временем проходило не в пример приятнее. Было изрядно выпито, и съедено тоже немало. Недавняя тризна крепко ударила по припасам дома Регема, но не уничтожила их, а скупиться перед царем было бы позорно. Траур не позволял призвать ни танцовщиц, ни музыкантов, ни шутов, однако изобилие вина с успехом заменяло их всех.

Насколько царица была тиха и бессловесна, настолько Ксуф шумлив и многоглаголен. У людей, не привыкших к обществу царя, в его присутствии закладывало уши. Здесь непривычных не было, а бдительная Фарида, не показываясь в зале, внимательно следила, чтобы кубки гостей не пустовали дольше того мгновения, когда их опорожнив в глотку, поставят на стол.

Так что обстановка в зале создавалась самая непринужденная. Ксуф, сидевший рядом с хозяином, разгорячившись от вина, привычно бранил Шамгари и дурацкие обычаи этой страны. Там цари могут брать себе сколько хочешь жен. Не наложниц, как все порядочные люди, а жен! И хотя царицей из них называется только одна, все остальные тоже считаются законными. И дети от них, стало быть, тоже законные. И каждая, стало быть, науськивает своего сына, что именно он – наследник престола. И не успеет царь-папаша дух испустить, тут такая грызня начинается, что только ключья летят. Правда, нынешнему, Гидарну, этому сукину сыну, крупно повезло: он как-то сумел договориться со своими ублюдочными братьями – кому наместничество подsunул, кому еще что. Но дважды такая удача не выпадает, Гидарн – тьфу на него! – и сам это понимает свинячей своей башкой. Недаром же он, как подпаленный, бросается на все окрестные государства. Не иначе, хочет по царству на каж-

дого своего выводка завоевать. Только не выйдет у него ничего. Раньше думать надо было, чем по изнеженности безобразной этакий гарем заводить.

Кое в чем Ксуф был прав. Редкое начало царствования в Шамгари обходилось без резни между кровными братьями, и зачастую подстрекательницами в этом становились многочисленные царские вдовы.

Роскошь, которой окружали себя шамгарийские правители, как в столичной Шошане, так и в многочисленных резиденциях, воистину стала легендарной, и удовольствия, коим они предавались со страстью, вызвала справедливое порицание.

Но и доводы против сказанного также имелись в избытке. Гидарн действительно присоединил к своей державе три царства и часть Дальних Степей. Но на Нир он вовсе не "бросался", это Ксуф напал на Шамгари – как раз тогда, когда Гидарн был в тех самых степях. Гидарн также сумел сплотить свою склочную родню (наместник, от которого потерпел поражение Ксуф приходился царю двоюродным братом, даже не родным и не сводным). И несмотря на репутацию женолюбца, армию Гидарн увеличивал куда старательнее, чем гарем.

Все это было известно и Регему, и придворным Ксуфа, сидевшими за столом. Но, сколько бы они не выпили, никто из них не высказал эти доводы вслух. Все кляли на чем свет стоит подлых шамгарийцев, причем совершенно искренне, поскольку участвовали в той войне, получали раны, пережили горечь поражения, а кое-кто и потерю друзей, которые до сих пор не были отомщены. Но Регему показалось, что, как ни бранил его повелитель Гидарна, о шамгарийских обычаях он говорил с некоей завистью.

Так или иначе Ксуф взял с него обещание по окончании траурной недели нанести ответный визит. После чего царь со свитой удалились.

Далла этим обстоятельством была чрезвычайно довольна, так как избавилась от тяготившего ее общества Гиперохи. Узнав же, что Регем должен навестить царя, несколько огорчилась. Стало быть, придется еще задержаться в постылом Зимране. Но сильно расстраиваться не стала. Зимран – не Шошана, где царские пиршества, говорят, растягиваются дней на двадцать без перерыва. Даже если Ксуф затеет какое-то празднество, в котором Регему придется участвовать, долго это не продлится.

Регем думал так же, и был благодарен жене, за то, что она не укоряла его за новое промедление. Он и сам был не рад внезапному царскому гостеприимству. За минувшие годы Регем успел отвыкнуть от зимранских порядков. Но царь есть царь. Если он приглашает, надо идти.

Если бы ожидалась охота или воинские состязания, Ксуф не преминул бы этим похвастаться. Но он ни о чем таком не сказал. И Регем не сомневался, что его ожидает пиршество – дело во дворце обыкновенное.

Он не ошибся.

Роскошь убранства царского дворца в Зимране могла бы поразить многих, но не Регема. Он с юных лет привык бывать за двойными стенами, и его не могли поразить ни мраморные фигуры быков и львов на лестницах и по фасаду, ни стены, то блещущие серебром и лазуритом отделки, то увлекающие яркой росписью по алебастру – всадники на колесницах сражались друг с другом либо поражали копиями разнообразную дичь, то кичащиеся богатым трофейным оружием, ни пестрыми коврами, ни чеканными светильниками. Что его действительно поразило и удивило – на парадной лестнице он увидел царицу Гипероху. Она выходила приветствовать гостей не чаще, чем сама выезжала в гости.

Ксуф, казалось, тоже был удивлен, но совсем по другой причине. Точнее, прямо противоположной.

– Где твоя жена? – спросил он. – Она что, заболела?

Регем ничего не понял. Дела женщин – это дела женщин. Хозяйка даже может выйти к гостям, если муж или отец повелит – вначале, когда они еще не захмелели и ведут себя благопристойно. Но она непременно удалится еще до того, как в зале появятся музыканты, певцы, танцовщицы и другие особы, к добродетельным женщинам не причисляемые. Добродетельные женщины не бывают на пирах, тем более в чужих домах. Конечно же, они могут посещать подруг, равно как и принимать, но он-то, Регем, здесь при чем?

Ксуф не стал дожидаться ответа. Он быстро обернулся к жене.

– Ты что, не пригласила ее?

– Я... я... – пролепетала Гипероха, не в силах больше вымолвить ни слова,

– Думала, я не узнаю? Ума нет, а туда же?

Гипероха задрожала так, что золотые бляшки, в изобилии нашитые на ее платье забрякали. Она прикусила губу, но это не помогло – слезы уже ползли по ее щекам. и тонкие ручейки грозили превратиться в потоки.

Регем взирал на это с недоумением. В его семейной жизни таких сцен не наблюдалось.

Перехватив его взгляд, Ксуф произнес:

– Прости, друг мой, ты же знаешь этих баб – ни мозгов, ни памяти, ничего поручить нельзя. Я ей велел отдать долг гостеприимства твоей жене, пригласить, стало быть, к себе. а она и позабыла.

– Я ничуть не в обиде.

– Ладно, что теперь делать... – Царь махнул жене рукой. – Ступай отсюда, нечего на гостя тарашиться.

Гипероха понурившись, стала подниматься по лестнице – женские покои дворца располагались на верхнем ярусе. Плечи ее под покрывалом вздрагивали.

Ксуф и Регем проследовали, как и ожидалось, в пиршественный зал. И вскоре мужские разговоры и частые возлияния заставили Регема позабыть об этом неприятном эпизоде.

Пиршество было не столько многолюдным, сколько обильным. Большинство гостей составляли придворные, с которыми Регем был знаком и раньше, а также офицеры царской гвардии. Из князей – правителей городов, Регем сегодня был один. Что же касается купцов, то как бы ни были они богаты, за стол Ксуфа не допускались.

Что до кушаний, то здесь ничего похожего на то, чем угощались на женской половине, не наблюдалось. Мужчина должен есть мясо. И его было больше всего. На стол подали цельного кабана, жареного на вертеле. Свинину в столице любили, в отличие от Маона и южных городов, где предпочитали баранину. Впрочем, баранина и ягнятина тоже присутствовали, а также потроха, тушеные в остром соусе, говяжий рубец, гуси и утки, и пироги с фазанами, подстреленными на последней охоте. Рыбных блюд было меньше. Зимран стоял в отдалении и от моря, и от больших рек. рыбу разводили в садках, и это, само собой, ограничивало выбор. Но никто от этого особо не страдал. Ведь был еще разнообразный сыр, и нежный, и острый, и лук, сырой и печеный, и оливки, и перец, и чеснок – все то, что возбуждает жажду. И разумеется, было, чем эту жажду заливать.

Коренные жители Нира не имели привычки разбавлять вино водой, однако же, пили его в небольших количествах. Завоеватели потребляли вино во множестве, но пили его разбавленным.

При дворе Ксуфа совместили две древние традиции, и пили много неразбавленного вина. И обязательно привозного. В Нире имелись собственные виноградники, но производившееся там вино было не лучшего качества.

В странах, с которыми Нир поддерживал хорошие торговые отношения, также не везде было развито виноделие, например, даже в таком богатом государстве, как Дельта, предпочитали пиво. так что вино для царского стола привозилось из Калидны, а то и из-за моря,

и стоило дорого. Но разве царь что-нибудь жалеет для гостей, говорил Ксуф, особенно для гостя, которого видит так редко?

Кресло со спинкой и подлокотниками за столом было поставлено только для Ксуфа. Оно было оббито слоновой костью – также привозной и очень редкой даже в Зимране. Гости помещались на резных скамьях, застланных ткаными покрывалами.

Ксуф велел Регему сесть по правую руку от себя. Они выпили, как и в прошлый раз, поминальную чашу в честь Иорама, затем почтили Кемош-Ларана, а дальше пошло одно возлияние за другим. Ксуф приглашал своего верного друга и подданного задержаться в Зимране подольше. Впереди ждет такое замечательное, развлечение как медвежья травля. Правда, ради этого придется ехать в горы. Какая жалость, что и медведей, и волков вокруг Зимрана уже перебили! Радость охоты лишь в опасности, а не в том, чтобы гоняться за глупыми ланями и оленями. Это и поставщики дичи, что трудятся за плату, сделать сумеют. Одно удовольствие, когда удастся поднять кабана, но и оно выпадает все реже.

Регем согласно кивал, хотя и не мог припомнить, чтоб слышал от отца или еще кого-нибудь, будто возле Зимрана когда-либо водились медведи. Может быть, южнее, где-нибудь в Илае? В голове у него шумело от вина и от музыки. Он не заметил, когда появились девицы, призванные услаждать слух и зрелище пирующих, но свистение флейт, аккорды арф и звуки цитр сливались для него в общий гул.

Ксуф подливал ему и себе, плеская красным вином на узорчатое одеяние, расшитое пальмами и птицами.

– А еще лучше – оставался бы ты здесь, в Зимране, – говорил он. – Мне верные люди нужны не только в походах. А ты засел, как сыч, в своем Маоне, среди дикарей этих, которые и на людей-то не похожи. Брось ты его, поставь наместника и перебирайся всей семьей в отцов дом, благо он теперь пуст...

– Нет, – государь, – твердо отвечал Регем. – Если стал я князем в Маоне, стало быть, судьба моя этот город защищать, и о жителях его заботиться. Бросить их я не могу.

– Тебе, значит, маонские ткачи и красильщики дороже царя!

– Вовсе нет. Но за тебя, повелитель, есть кому постоять. Один Криос чего стоит. – Регем указал на военачальника, сидевшего слева от царя. – Да ты и сам никому себя в обиду не дашь. А моих, как ты говоришь, ткачей, кроме меня защитить некому. – Обнаружив, что его чаша вновь полна, Регем отпил и продолжал. – И не думай, что наш род долгом своим перед царем пренебрегает. Скоро придет черед сына моего приносить тебе клятву верности. Лет десять всего... Это быстро, оглянуться не успеешь, а он уже взрослый, и мы – старики...

Выпили и за это. Затем в памяти Регема наступил некоторый провал, а потом он обнаружил, что на пару с царем, бия себя в грудь, и призывая отческих богов в свидетели, они клянутся, что не пожалеют друг для друга самого дорогого и заветного.

– Все слышали? – кричал Ксуф. – Вот он, мерзавец, не любит своего государя, не хочет ради него бросить этот свинячий Маон, а я все равно его люблю, как брата родного! И сейчас всем докажу. Икеш! – казначей, обретавшийся где-то в конце стола, мгновенно предстал пред царские очи. – Принеси, негодяй, из сокровищницы тот камень, что мой отец добыл в битве с князем Хатраля!

Кругом восхищенно загудели. Эта история уже стала легендой. Более тридцати лет назад южные соседи, решили, что способны на большее, чем обычные пограничные набеги. Несколько племен объединились под предводительством правителя княжества Хатраль, и пренебрегши обычным путем – через Кааф, сумели удачно обойти Илай и вторгнуться в центральные области Нира. Но здесь им дорогу преградил царь Лабдак со своим войском и нанес такое поражение, что ни в Хатраль, ни в Дебен не вернулся, как говорили, ни один человек. И с тех пор южане не осмеливались предпринимать ничего подобного. Правда, храбрые всадники пустынь не были приучены к долгим походам, и ко времени встречи с

Лабдаком были измотаны, а их кони и верблюды во множестве пали в горных ущельях. Но это, разумеется, нисколько не умаляло значения одержанной Лабдаком победы. Хороший полководец знает свой час.

Среди добычи, взятой Лабдаком после того сражения, был рубин величиной с голубинное яйцо. Князь Хатраля носил его на шлеме, ибо был такой обычай в тех краях: мужчина не носит ни серег, ни колец, ни ожерелий, ни браслетов, предоставляя все это женщинам, однако покрывает драгоценностями оружие и доспехи. Теперь камень хранился в сокровищнице Зимранского дворца, но иногда на празднествах царь приказывал его принести, дабы полюбоваться.

Пока пирующие вспоминали эту историю, вернулся Икеш, человек со впалой грудью и выпуклым животом, остроконечной черной бородой и почти совсем лысый, торжественно неся на вытянутых руках маленький резной ларец, каковой он и протянул царю.

– Вот! – Ксуф распахнул крышку ларца, вынул рубин и поднял над головой. Свет факелов отразился в гранях, бросил на пальцы царя кровавый отблеск. Пирующие восхищенно загомонили, некоторые демонстративно прикрывали руками глаза, точно ослепленные сверканием камня. – Это самое дорогое и ценное из всего, чем я владею. Но клянусь, что для друга моего Регема не пожалею и самого дорогого. Прими от меня, Регем, этот камень в дар!

– Но, государь, я не достоин...

– Достоин, достоин. Бери, говорю тебе!

Регем изумленно смотрел на красный камень, который Ксуф чуть ли не силой вкладывал в его руку.

– Я не могу принять такой подарок...

– Хочешь оскорбить своего царя? Или, если ты такой гордый, можешь также дать клятву, что отдашь мне самое дорогое из своего имущества, по моему выбору.

– Хорошо. Я клянусь. – Регем вздохнул и взял камень. Ксуф выглядел необычайно довольным.

– Вы свидетели, друзья и подданные! Он поклялся и взял рубин. А теперь я хочу получить из имущества Регема то, что мне больше всего по нраву – его жену!

Хмель мгновенно покинул голову Регема. Он вскочил, бросив рубин на стол.

– Этого я не сделаю!

– Все слышали, что ты поклялся.

Пирующие смолкли. Регем озирался по сторонам, ища поддержки, но не находил. Ксуф поймал его в ловушку – это было очевидно.

– Что угодно, кроме жены!

– Я назвал свое условие и не отступлю! Я царь, а не торгош!

Регем не мог возразить, что жена не имущество. Такая мысль никогда бы не посетила его. Но и уступить Ксуфу он не мог.

– Я тоже не торгош, – раздельно сказал он. – Я воин, а воин по доброй воле не отдаст жену на позор, пусть даже и царю. Я клялся тебе, но большая клятва убивает меньшую. Клянусь всеми богами, что никогда не причиню матери моего сына такого зла! – И, оскалившись в ярости, добавил: – Потому что моя жена, в отличие от иных, не бесплодна!

Ксуф также вскочил, едва не опрокинув кресло. Они стояли друг против друга – огромный, мощный, широкоплечий царь и невысокий худой Регем, и на сей раз это было совсем не смешно.

На пир являлись без мечей, но вот ножи, чтобы резать мясо, были необходимы. Как бы ни был взбешен Ксуф, его налитые кровью глаза отлично видели, что Регем сжимает рукоять кинжала. Он видел Регема на войне и знал – лезвие вонзится в царское горло до того, как прозвучит приказ схватить преступника. Однако Ксуф был слишком упрям и слишком горд, чтобы признать свою неправоту.

Тем временем до притихших было гостей дошло, наконец, что именно сказал Регем. И Криос, начальник гвардии, поднялся, прижав руку к сердцу.

– Прости, государь, но сын Иорама сказал верно. Ты сам часто повторяешь, что здесь не Шамгари. Не стоит ссориться с верными тебе князьями из-за такой безделицы. На свете полно красивых женщин и девиц для твоего удовольствия, забудь же о матери чужих детей!

Ксуф грузно опустился в кресло. Отдышался.

– Хорошо, друг. Верно, я сегодня много выпил и забылся. Но и видеть за своим столом клятвopеступника не желаю! – заорал он.

– Я бы и сам здесь не остался – бросил Регем. Ему хотелось перевернуть стол и перешагнуть через него, но он сдержался. Молча направился к выходу. Царский рубин остался лежать среди объедков и винных луж – никто не решался прикоснуться к нему.

Регем вернулся в отцовский дом на рассвете и тут же поднял на ноги охрану, слуг и семью. Сестре и племяннику он велел немедленно возвращаться в собственные владения.

Сам он желал покинуть город как только откроются ворота. Ксуф мог к утру позабыть о ночной ссоре – такое бывало, а мог распалиться еще большей яростью. Регем не собирался этого дожидаться. Следовало как можно скорее укрыться в Маоне. Даже в открытой степи встреча с опасностью будет предпочтительней, чем на столичных улицах.

Далле он сказал, что поссорился с царем, но не открыл, по какой причине, а она не стала спрашивать. Мужчины на пирах пьют, а выпив – сварятся, она всю жизнь про это слышала, это обычное дело.

Но на сей раз не было никаких носилок. Регем велел ей закутаться в плотный плащ с ног до головы, чтоб на нее не глазели, и усадил в колесницу. Ради безопасности пришлось пренебречь обычаями. Регем отдал последние распоряжения по дому – Далла не знала, какие, и они тронулись в путь.

Город, против всяких опасений, они покинули беспрепятственно. А затем началась сумасшедшая скачка, для Даллы почти невыносимая. Весь опыт езды в колесницах для нее ограничивался церемониальными шествиями, а сейчас она чувствовала себя измученной, избитой до полусмерти, а скорость внушала ей ужас. Но она не жаловалась. Чем быстрее они ехали, тем ближе становился Маон, а с ним Катан и Бероя. Вдобавок она привыкла полагаться на мужа, на его опыт и знания. Степи сменились лугами, и в предчувствии встречи с домом видение льдисто-белого Зимрана начало исчезать из памяти. А увидев башни и стены Маона – такие грубые, приземистые, некрасивые, Далла впервые за время путешествия расплакалась – от радости.

Дома все было в порядке, и подросший за время ее отсутствия Катан радостно выбежал навстречу родителям. Бероя, все такая же надежная, сердечно обняла свою воспитанницу, и тут же увела ее мыться и отдыхать. Это было как нельзя более кстати – Далла совсем изнемогла в пути.

Регему было не до отдыха. Хотя погони за ними не было, он еще опасался мести Ксуфа, и готовился отразить удар. Стражи города были приведены в боевую готовность, а лазутчики, отправленные за городские стены, должны были в кратчайшее время предупредить о наступлении вражеских войск.

Но проходили недели, за ними месяцы, а тревожных сообщений не поступало. Фарида также не присылала гонцов к брату, а она не преминула бы это сделать, если б услышала нечто достойное его внимания. И постепенно Регем стал успокаиваться. У царей бывают дурные прихоти, так на то они и цари. В одном Регем мог бы поклясться с чистой совестью – он не появится перед Ксуфом по доброй воле, разве что всему царству будет угрожать смертельная опасность. Но пока что об угрозе для Нира ни со стороны Шамгари, ни со стороны Дельты слуха не было.

Он так и не рассказал Далле о том, что произошло на пиру в Зимранском дворце. Слава богам, угроза миновала. Далла же словно забыла о случившемся, и за это Регем был ей благодарен.

Далла и в самом деле забыла. Жизнь в Маоне текла своим чередом, и ничто не тревожило установленного порядка. Правда, месяца через два, а может, через четыре после возвращения до нее дошел слух о смерти царицы Гиперохи. Но он не слишком потревожил Даллу. Гипероха производила впечатление женщины болезненной, что же удивляться ее ранней смерти? Нужно благодарить богов, что мы сами живы и здоровы.

Сходным образом мыслил и Регем. И решил, что он слишком долго медлил с закладкой храма Кемош-Ларана в Маоне. Как раз в то время объявился в городе жрец Кемоша, именем Булис, не какой-нибудь полоумный уличный прорицатель, а недавний служитель оракула Кемоша, что в Западных горах, на границе с Калидной. Лучшего служителя для Маонского святилища нельзя было пожелать. И при великом стечении народа был заложен новый храм. Весь Маон шумел и веселился. Но не прошло и двух недель, как фундамент храма обрушился. И так повторялось трижды. После чего вещий Булис предрек – не стоять храму, пока князь вместе с наследником не отправятся в Западные горы и не встретятся с тамошним верховным жрецом. Из его рук получают они краеугольный камень, на котором воздвигнется храм. А что это за камень – ведомо одному жрецу, и более никому.

Случись это предсказание на полгода раньше, Регем бы поостерегся ехать. Но все было спокойно в Маоне и в Нире. И Катан, предвкушая поездку, просто прыгал от радости.

Далла сделала робкую попытку попроситься в паломничество вместе с мужем. Но Регем был неумолим – один единственный раз выехала Далла из города, и это навлекло несчастье на всю семью. Далла не очень поняла, что он имеет в виду, но не стала настаивать. Муж лучше знает, как поступить.

Так прекрасным весенним утром Далла простилась с мужем и сыном, и стала поджидать их возвращения. Городом правил наместник Регема, домом управляла Бероя, и кроме ожидания Далле ничего не оставалось. Иногда она вышивала, плела венки, а большей частью гуляла по саду, слушая птиц и журчанье воды, сбегавшей в пруд из каменной чаши фонтана. И это длилось до того дня, когда рабыня прибежала за ней в сад, и сообщила, что наместник просит разрешения увидеться с ней. Далла удивилась, но не стала напрасно медлить, и накинув покрывало, прошла через женскую половину в зал.

Наместник имел вид совершенно потерянный. Словно со вчерашнего дня, когда Далла встречала его, он состарился, или был сокрушен тяжелой болезнью. Руки его дрожали, и он был вынужден сжимать кулаки.

– Госпожа... я не знаю, как сказать тебе... случилось несчастье.

Что-то кольнуло в сердце Даллы. Она пошатнулась и ухватилась за Берюю.

– Несчастье? С моим сыном?

– И с ним тоже, – произнес наместник.

Бероя подвела Даллу к креслу и усадила.

– Регем...

– Госпожа, никто не понимает, как это случилось. Князь всегда был прекрасным колесничим, а когда ездил с сыном, бывал так осторожен, все проверял...

– Что случилось? Что?

– Колесо соскочило с оси, и лошади понесли... это было возле храма, в горах... – наместник осекся.

– Они живы? – голос, прервавший тишину, принадлежал не княгине, а Берое.

И в ответ прозвучало краткое: – Нет.

– Я не верю, – тихо и убежденно проговорила Далла. И поскольку никто не возражал ей, она закричала звонко, во весь голос, как ни кричала никогда в жизни: – Я не верю!

Когда служанки уводили ее, она продолжала выкрикивать эти слова. И кричала, пока не охрипла.

Несколько дней спустя доставили тела Регема и Катана. Они были изувечены, но опознать их было можно. Охрана и слуги ждали распоряжений, может быть, убийственных для себя. Не дождались. Единственное, что приказал наместник – это готовить похороны.

Даллы не было на похоронах. После возвращения свиты со скорбным грузом она впала в оцепенение и не выходила из своих покоев. Бероя с трудом заставляла ее есть и пить, умывала, как младенца, одевала, причесывала. Далла не могла уже кричать, будто не верит в случившееся, но она отказывалась в это верить. Все происходящее казалось ей сном, и она жаждала только одного – проснуться. Тогда и Катан и Регем окажутся живы...

Она не знала и не хотела знать, что происходило за пределами женской половины. Ей было все равно. А там... Бывает, из ткани вытянут единственную нить, и ткань, казалось бы такая плотная, миглом начинает расползаться. Последние годы всей властью в Маоне ведал Регем. Даже когда он надолго отлучался из города, отдавал подробные и точные распоряжения. Чиновникам и воинам оставалось лишь исполнять их. Теперь стройный порядок рушился на глазах, слуги разбежались, стражники денно и нощно пьянствовали в кабаках, и уличные проповедники пророчили беду. А Далла сидела на постели или на полу, застланном коврами, смотрела в одну точку, и ждала, когда проснется.

И однажды кто-то вошел в комнату, и, поскольку она не поворачивалась в его сторону, тронул ее за плечо. Далла вздрогнула и подняла голову. Она не знала этого человека. Впрочем, она видела его на похоронах Иорама.

– Госпожа, – сухо сказал он. – Меня зовут Криос. Ради блага царства и сохранения порядка я, по приказу государя, занял город Маон. Тебя же велено доставить в столицу.

Сон кончился. Начинался кошмар...

ДАРДА

Для оседлых жителей Нира выражение "изгнать в пустыню" означало почти то же самое, что "убить". А "уйти в пустыню" – "умереть". Этого, наверное, и пожелал Офи своей виновной дочери. И Дарда ушла без возражений. Но, как ни было ей плохо и тошно от того, что родители ее выгнали, она не думала о том, чтобы загубить себя. Наверное, Дарда не способна была дойти до такой степени отчаяния. И она успела узнать – пусть тот, кто ушел в пустыню, считается вычеркнутым из жизни, это вовсе не значит, что он действительно умер.

Да и не в пустыню она ушла. Тот край пустыни, что подступал к Илаю, был действительно гиблым – ни дорог, ни колодцев, только песок и камни. Но кто сказал, что обязательно нужно идти в ту сторону? Дарда имела очень смутное представление об окружающем мире, но все же понимала, что за пастбищем и соседним селением он не заканчивается. Она могла бы перейти Зифу и направиться на север. Вряд ли местные жители станут ей препятствовать – ведь ее изгнали родители, а не община. Но в той стороне лежал Зимран – первопричина всех бедствий, обрушившихся на Илай. Оттуда приходили царские слуги, грабившие земледельцев, и воины, убивавшие тех, кто не желал добровольно расставаться со своим добром. И хотя к Дарде эти напасти имели лишь косвенное отношение, душа ее к тому, чтобы идти в северном или западном направлении, не стремилась. Она предпочитала, не пересекая пустыню напрямик, обойти ее по Илайскому отрогу гряды Сефара. Этот путь тоже был труден и опасен, но в горах Дарда чувствовала себя уверенней, чем на равнине. И так она могла рассчитывать добраться до южной области Нира, страны караванных дорог, на пересечении которых стоял город Кааф. Что она собирается делать в тех краях, Дарда не могла сказать. Но оставаться на месте не было ни причины, ни возможности, и она направилась в горы.

У нее не было с собой никаких припасов. Офи сжег ее лук и растоптал стрелы. Что ж, приходилось обходиться тем, что осталось – пращой и посохом. Она надеялась, что этого хватит.

Нога, ушибленная при падении, вскоре перестала болеть. Идти стало легче, но нелегко был сам путь. Дарда и раньше забиралась высоко в горы, но никогда не оказывалась так близко к белому Сефару. Сюда никто не ходил. В недавние зимние месяцы в предгорьях порой бывало довольно холодно, дули пронизывающие ветра, но снег никогда не выпадал. А здесь он лежал даже летом. В некоторых областях Нира гору Сефар считали священной. В Илае не разделяли этого мнения. Здешние божества были божествами плодородной земли, воды и сочных пастбищ. При чем же тут каменная гора со снежной вершиной? Там – ничего хорошего, там пустота и смерть. То же, что и пустыня, только в пустыне убивают жажда и жара, а здесь – голод и холод.

Дарда не боялась. К холоду она привыкла на дальних пастбищах, и разве не снег поил горные ручьи, наполнявшие реку, столь почитаемую там, внизу? А еду она собиралась себе добыть. Не зря же она столько времени упражняла и руки, и зрение.

Однако дни тянулись за днями, и временами казалось, что Дарда переоценила свои силы.

Она забралась слишком высоко, туда, где были только снег и камни. Ветер изводил ее, он пробирал до костей, и она не могла согреться, кутаясь в овчину, служившую ей плащом. Но голод был хуже. Здесь, наверху она видела только орлов, парящих в небе, и не с ее пращой было охотиться за ними. Иногда на снегу она замечала следы козрогов, но сами звери были слишком сильны и быстры, чтобы Дарда сумела догнать их и убить. Она скользила по обледенелым склонам, проваливалась в рыхлый снег, падала. Иногда ей хотелось не вставать, а так и остаться в снегу. Может, тогда она наконец согрелась бы. Но Дарда поднималась и шла дальше. Однажды ей удалось подбить камнем козленка, однако не на чем было развести

огонь, чтобы зажарить мясо. Это ее не остановило. Дарда разделала тушу, выпив предварительно кровь, пока не остыла, и ела мясо сырым, сначала свежим, а потом замороженным. А потом у нее схватило желудок, ее корчило и выворачивало наизнанку. И все-таки она сумела и это выдержать.

Вершина Сефара была у нее по правую руку, затем осталась позади. Теперь Дарда смутно знала, что пора спускаться. Ей предстоит пересечь еще один отрезок пустыни, после чего она попадет в край караванных путей.

Дорога вниз была несколько лучше подъема. Стало теплее, хотя ветра были все так же сильны, а когда начались деревья и кустарники, с едой все почти поправилось. Дарда убивала птиц и готовила их на костре, выкапывала из земли съедобные корни. Зато, когда она вышла из полосы снегов, возникла необходимость искать воду.

Она спустилась с гор – и обнаружила, что не понимает, где находится, и не представляет, куда идти. То есть она знала, что следует идти так, чтобы солнце оставалось по правую руку. Но обширные пространства, простиравшиеся перед ее взором, полностью сбивали с толку. Что значит – "страна караванных путей"? Дарда не видела никаких путей, ни караванных, ни других. Вместо холода ее теперь мучила жара, ледящий ветер уступил место обжигающему.

Она опасалась уходить в пустыню настолько, чтобы терять горы из виду. Но попытка сохранить единственный ориентир привела к тому, что Дарда заблудилась окончательно. Временами она была близка к тому, чтобы вернуться в горы. Опираясь на посох, она брела по песку, прожигавшему сандалии и обмотки на ногах. Среди барханов вырастали каменные столбы, лежали валуны, словно с гор некогда сошла титанической мощи лавина, да так и рассеялась по пустыне. Или это обратились в камни те, кто умерли здесь от усталости?

Как она не свалилась с обрыва – непонятно. Ни в горах, ни в пустыне она не молила богов о помощи. Она не знала молитв. Так что можно предположить, что это произошло случайно.

Или она почувствовала дуновение ветра, отличного от того, что свистел над ее головой, влажного и прохладного, и услышала шелест листьев?

Как бы то ни было, оцепенение, охватившее ее, отступило, и Дарда удвоила внимание. И обнаружила, что стоит на краю обрыва. Глубокий распадок вдавался в пустыню со стороны гор, обнажая слоистые почвы, многообразие которых восхитило бы глаз художника – если в этих краях когда-нибудь попадались художники. Были в этих слоях и гранит, и известняк, и окаменелый ракушечник. По форме распадок напоминал лист акации или наконечник стрелы – Дарда находилась как раз возле острия. Раньше, может быть, тысячи лет назад он был заполнен водой. Вода и сейчас там была. На дне Дарда разглядела озеро и впадающие в него ручьи.

Она не так долго скиталась по пустыне, чтобы принять увиденное за мираж, колдовской морок, вызванный демоном жажды. Но жажда была настоящей. Спуститься по обрыву было почти невозможно, но Дарду, привыкшую ползать по отвесным скалам, это мало волновало. Она не стала искать удобный спуск. И скорее всего, она бы его не нашла.

Наверное, она больше, чем когда-либо в жизни напоминала паука, когда спускалась по стене оврага. Она использовала любую трещину, любой выступ в камне или щербину, чтобы зацепиться и найти опору. Для этого ей пришлось отбросить посох, но спустившись, она вновь подобрала его.

Вода в ручье была чистой, холодной, и прекрасной на вкус. Но Дарда сейчас была в состоянии выпить и мутной воды из грязной лужи. Никто никогда не говорил ей, что пить ледяную воду в жаркий день опасно. А если бы сказал, это бы ничего не изменило.

Утолив жажду, Дарда стала осматриваться. Пройдя немного дальше, она увидела диковинное зрелище – реку, вытекающую из под камня. Конечно, она не могла сравниться со священной Зифой, но все же это была река.

Перекатившись через большой черный валун, река распадалась на несколько ручьев, и все они стекали по гладкой, блестящей от солнца и воды каменной поверхности в круглый водоем. Кругом росла высокая трава – выше и сочнее, чем дома. И не только трава. Над зарослями орешника возвышались кроны деревьев.

Здесь было удивительно красиво. Если б Дарда знала немного больше, то представила бы, что скитания привели ее напрямик в рай. Но Дарда не ведала этих понятий. Впервые за долгое время ее не томили ни холод, ни жар. Она слышала, как птицы перекликаются в листве, как шуршат в траве ящерицы. В озере, должно быть, водилась рыба, на диких яблонях созревали плоды. "Еда, – думала Дарда. – Много еды". И это сейчас было главное.

Чтобы убить, разделать и зажарить птицу, ящерицу или что тут еще бегало и летало, требовалось слишком много времени и сил. Рыбу она, пожалуй, съела бы и сырой. Но ее тоже нужно было ловить. Орех – другое дело. С помощью посоха Дарда насбивала несколько горстей, и усевшись на берегу ручья, принялась колоть орехи на плоском камне, решив, что останется здесь. Останется надолго. Может быть, навсегда. А если кто захочет выгнать ее отсюда, пусть попробует!

И как сглазила.

– Ты.. что есть? – услышала она.

– Орехи, – машинально ответила Дарда.

– О! – последовал негромкий смехок. – Неправильно сказал, Ты кто?

Человек подошел так тихо, что она не заметила. Это было как оскорбление. До сих пор это было ее привилегией – тайно подкрадываться, высматривать, подглядывать. Никто другой не мог с ней сравниться.

Но человек ли это был? Ей приходилось слышать, что в пустынных местах обитают духи, мороки, мелкие боженята. До сих пор Дарде не приходилось их встречать, но тот, кого она видела перед собой, настолько отличался от всех известных ей людей, что заставляло заподозрить наличие правды в пастушеских рассказах. Он был невысок, вряд ли выше Дарды, худощав. Одежда – длинная рубаша и широкие штаны, делала его еще более тощим. Но это был не мальчик, а старик – во всяком случае морщинистое лицо, белые волосы, усы и борода убеждали в этом. Однако усы и борода были совсем редкими, точно повылезли. И само лицо было диковинным – плоское, с выступающими скулами и узкими глазами. Загар его имел странный желтоватый оттенок. Если бы Дарда выросла в Каафе или каком-нибудь другом большом городе, где навидались купцов со всех стран света, она и не подумала бы удивляться. Но Дарде известны были лишь жители Илая. И теперь ей казалось, что незнакомец на свой лад так же безобразен, как она сама. Может, его изуродовала болезнь? На краткий миг она ощутила укол сочувствия. Тем более, что по какому-то совпадению чужак сжимал в руке посох. Но это чувство быстро испарилось. Лучше бы ему оказаться духом.

Возможно, чужака одолевали те же мысли. Дарда мало походила на человеческое дитя, особенно сейчас, после перехода через горы и пустыню. А может, он просто не мог понять, какого пола это создание. Дарда не стала углубляться в различные предположения и огрызулась.

– Я – Дарда. – О том, что нельзя называть свое имя незнакомым людям, ей тоже никто не говорил.

– Колючий куст? – Он поднял брови. – Шутка, да?

Ей показалось, что он нарочито коверкает ее речь. Поскольку ей никогда не приходилось слышать, чтобы люди говорили с акцентом. Но тут неизвестный протянул руку к ее

посоху, и ее раздражение обернулось злостью. Забыв об усталости, она перехватила посох так, чтобы можно было ударить.

– Не трогай! И не подходи!

Конечно, он и не думал отступать. Внимательно смотрел, склонив голову к плечу. И это взбесило ее еще больше.

– Не подходи! Я уже убивала, убью и снова!

Наверное, это прозвучало глупо. Но он не засмеялся. Спросил:

– Этим... убила? – он указывал на посох.

Ей почудилось... да нет, определенно в его словах было искреннее любопытство. Пусть даже оно служило развлечению.

– Нет. – При всех своих пороках лживой она не была. Подумавши, добавила: – Но могу и этим.

Гнев утихал в ней. Напрасно она страдала старика, он не таков, как тот изгой, он слабее ее... И словно в ответ на ее мысли, он сказал

– Ударь меня.

Наверное, этот человек сумасшедший, подумала Дарда, потому его и прогнали в пустыню. Разве тот, кто в здравом уме, попросит, чтоб его ударили?

– Нет, – сказала она.

– Почему?

– Ты старый. – С безумными надо, наверное, как с детьми, все им разъяснять.

– Уважаешь... старый. Хорошо, – сказал он. – А если я буду тебя прогонять?

Конечно же, он угадал. После скитаний это было для нее худшей из угроз. Дарда осталась стоять на месте, но посох в ее руке крутанулся словно сам собой. И увидела, как взлетел посох в руке старика.

В нескольких следующих мгновений она узнала, как чувствует себя зерно на молотильне. Удары сыпались на нее со всех сторон и одновременно. Офи, даже когда он был на десять лет моложе, не удавалось бить ее так больно и так сильно. А главное – так точно. Этот человек был не Офи, не ее отец, она имела право отбиваться. Но ее удары все время попадали мимо цели, как она не вертелась, и наконец – верх позора – посох действительно сам собой вывернулся и скакнул в сторону.

– Хорошо, – сказал старик.

У нее чуть слезы не брызнули от унижения. Мало того, что старик, казавшийся таким слабым, побил ее, он еще издевался!

– Хорошо, – повторил он. – Никто не сумел здесь... так не сумел. Вам нужен меч... или много силы, да?

Дарда ничего не поняла, кроме того что ее, вроде бы хвалят. А за что – тоже не поняла. Она отступила и подняла посох.

– Это не оружие здесь, – продолжал он, – ни у кого, кроме тебя. Храбрые люди, умения нет. И не хотят... Тебя кто учил?

– Никто, – буркнула Дарда.

– Неправда.

– Правда!

– Не то, не то. Не обязательно человек учил. Не обязательно тебя. Смотрела, училась, так? Птицы, звери, да?

– Ну, так, – Дарда, убедившаяся было, что перед ней человек, вновь засомневалась. Иначе как он угадывал не только ее намерения, но и ее прошлое?

Он словно отмахнулся.

– Не ты первая... другие были, придумали... не здесь, давно. Здесь не придумали.

– А ты откуда знаешь? – хмуро спросила она.

– Знаю. До тебя знал.

И внезапно, словно его окликнули, повернулся и пошел прочь. И хотя шел он очень быстро и легко, Дарда все же пришла к выводу, что это не дух.

Останавливать его она не стала. От побоев все тело ее разламывалось, и усталость, о которой Дарда было позабыла, разом навалилась и сбивала с ног. И еще ее утомил этот непонятный разговор. Она знала, что люди могут говорить долго, пастухи в предгорьях болтали и рассказывали истории чуть не ночи напролет, но даже родители Дарды избегали вступать с ней в долгие беседы.

Она, однако, была уверена, что одними разговорами и одной дракой дело не кончится. Не было причины чужаку покидать распадок, а значит – не миновать новой встречи. Что ж, она будет настороже.

Незнакомец вернулся вечером, когда Дарда все же наловила рыбы и жарила ее на костре (удивительно, но кремень и кресало она умудрилась не потерять). Когда к твоему костру подходит человек, а ты собираешься есть, нужно его пригласить. Пастухи всегда так делали. Старик не отказался принять от Дарды еду (и был бы дураком, по ее мнению, если бы отказался), и они отужинали молча. Когда Дарда, облизывая пальцы, думала, как бы попристойнее спровадить гостя, он неожиданно спросил:

– Где твои родители, Дарда-с-посохом?

– Там, – она мотнула головой. Потом решила уточнить. – Они живут в Илае.

– О! – казалось, он был удивлен. – Не умерли, нет?

Она не ответила, не считая необходимым повторяться.

– Значит, ты сбежала от них?

– Нет. Они меня прогнали. – Эти слова она произнесла не без вызова.

– Плохо почитала их?

– Хорошо. Меня не за это прогнали.

Он хотел было спросить, но сам себе ответил: – Ах, да, убила, да... И куда ты идешь?

– Не знаю. – Раньше она бы ответила: в Кааф, но теперь не была в этом уверена.

– Я думал, в Кааф, на состязание. Удивился – не весна, не осень...

– Какое еще состязание?

– Не знаешь? Ваш обычай, ваша богиня. Девушки дерутся на палках, на мечях. Плохо дерутся, Хуже, чем ты.

– А ты сам разве не из Каафа?

– Я был в Каафе. Но я не из здесь. Далеко, не эта страна.

– Из Дельты? Или из Шамгари? – На этом ее познания о дальних странах заканчивались.

– Нет, совсем далеко. Идти, плыть на корабле, снова идти. Здесь никто не знает...

– Как ты сюда попал?

– Как ты примерно, можно так сказать.

В том, что ее собеседник запросто мог убить кого-то, Дарда не сомневалась. Но неужели из-за убийства так далеко убегают? Или он шутит так?

– А как тебя зовут?

Дарда не очень ждала, что он ответит, но он ответил. И пользы от этого не было никакой. То, что он произнес, напоминало помесь птичьего чириканья с рычанием. Первую половину имени она не могла воспроизвести даже приблизительно, со второй с разбега справилась.

– Фар-ран?

– Хваран, – поправил он. – Ильгок-хваран.

Она несколько раз повторила второе имя, не рискуя братья за "Ильгока", и наконец выговорила "хваран" довольно сносно.

– Так, – согласился он. – Только это не имя. Ильгок – имя. Хваран – это кто я есть... был.
– Как это?

– По вашему трудно сказать. Наставник – да? Учитель – тоже... но не все.

Дарда некоторое время молчала, усваивая услышанное. Ее ничему не учили, и тем паче не наставляли, но некий образ наставника в ее представлении имелся. Это был почтенный седой старец, который сидит где-нибудь в тени и вещает нечто мудрое внимающим ученикам. Перед ней был и впрямь человек преклонных лет, но то, как он поступал, как двигался, как разговаривал, никак не соответствовало образу учителя...

За единственным исключением.

– Ты учил драться?

– Не драться, нет. – Она не ожидала такого ответа. – Я учил искусству боя.

Искусство боя. Это звучало гораздо лучше, чем "драка" и даже "борьба".

– А меня ты бы мог научить? – вопрос был неожиданным для нее самой, и она почти не надеялась на согласие.

– Зачем тебе? Ты и так хорошо дерешься... если смотреть, как здесь...

– А если не как здесь? Если сражаться, как ты учил?

– Тогда плохо. Нужно много лет. Не выйдет хорошего...

Она не поняла последней фразы, возможно, он не слишком точно подбирал слова. Уточнила.

– Не выйдет – потому что я не мужчина?

– Не то... Были женщины, знали искусство. Я не учил, другие учили. Давно, не сейчас... Сколько тебе лет, девочка-колючий-куст?

– Не знаю. – Она и в самом деле не знала. Там, где она жила, такой мелочью, как подсчет возраста, себя не утруждали. – Может, двенадцать...

– Это много, – серьезно сказал Ильгок-хваран.

Дарда была озадачена. В селении говорили, что на воинскую службу принимают только взрослых... А для искусства боя, что же, нужны дети?

– Нужно рано, рано начинать. И много лет учиться, я сказал. Иначе нельзя. Поэтому девочек в ученье не отдают. Плохо для них. Семья – нет.

– У меня и так семьи нет. И мне все равно, сколько лет учиться! – сдавленно выкрикнула она.

– Мне не все равно. Много лет учиться, много лет мне. Плохо.

Он был прав. Наверное, он был прав. Дарда подбросила хворосту в огонь, золотые искры взлетели во тьму.

– И что ты будешь делать, Дарда? – спросил Ильгок-хваран.

– Жить. – А что она могла еще ответить?

– Не просишь дважды... Гордая, да? Это хорошо для мастера. Для ученика – нехорошо.

И снова она ничего не поняла. Прежде всего потому, что не знала слова "гордость". И какой смысл в том, чтобы просить дважды? Если тебе чего-то не дают, проси хоть дважды, хоть трижды – не дадут все равно.

– У нас говорят: "Трудно найти хорошего наставника. Хорошего ученика найти почти невозможно". – Ильгок вздохнул. – За что ты убила человека?

– Он грабил стадо... Он был разбойник.

– Чье стадо было?

– Отца.

– И он за то тебя прогнал?

– Он был в своем праве! – ощерилась Дарда.

– В ученики, девочка-колючий-куст, не берут тех, кто не почитает старших, и не служит родителям, пусть они не правы, нет? Не берут тех, у кого слабое тело и кости хрупкие. Не

берут тех, кто говорит неправду. А еще тех, кто плохо поступал, убил, да? Кто вспыльчивый и грубый. А хуже всего – кто гордый! Ты к старшим почтителна. Ты сильная – иначе не прошла бы через горы одна. Ты правду сказала. А другое – нет. Много неправильно. Вот скажи мне – ты ученик хороший, плохой?

Из-за акцента и непонятных слов Дарда не всегда могла следить за ходом его мысли. Но основное она поняла.

– Плохой, – глухо произнесла она.

Ильгок повернулся и пристально посмотрел ей в лицо. Это было странно. Никто не смотрел ей в лицо, если только не хотел посмеяться. Ильгок не смеялся. Похожее выражение Дарда видела в глазах матери, когда та совала ей лишний кусок хлеба или зачиненное платье. Однако Самла при этом старалась отвернуться. Ильгок не отворачивался

– Хорошего ученика найти почти невозможно, – сказал он.

Дарде показалось, что голос его дрогнул. От жалости? Но кого он жалел – ее, вынужденную посохом и кулаками платить за уродство? Или себя – до старости лет не нашедшего хорошего ученика? У Дарды не доставало жизненного опыта, чтобы это определить.

– Ты признала, что плохая, ты смирилась – это хорошо. Я передам, что смогу из моего умения. Если ты сумеешь перенять. И помни – учителя почитают больше, чем родных! Если не смиришь себя совсем – не узнаешь, не получишь ничего!

Так началась для Дарды новая жизнь, и период ученичества. И первое время она сводилась к тому, что Ильгок ее нещадно бил. За месяц она приняла от него побоев больше, чем от отца за год. При том он вовсе не был на нее зол или разгневан. Постепенно до нее стало доходить, что таким образом хваран ее проверяет – не только ее выносливость, но и терпение: не выйдет ли она из себя, не попытается наброситься на него или, наоборот, убежать. Тут он мог быть спокоен – сдерживать свои чувства под градом ударов Дарда научилась давно. Но и хваран никак не выказывал собственных чувств, и Дарда так и не узнала, был ли он доволен или удивлен.

Начинался этот урок-экзакуция на рассвете, и длился не так долго, как можно было ожидать. Когда Дарда, подозревая, что Ильгок ее жалеет, сказала, что может выдержать и дольше, он отрезал: "Слишком долго – плохо". Для кого плохо – не пояснил. Так что все остальное время Дарда была предоставлена самой себе. И тратила она это время в основном на добывание пищи.

В распадке попадались деревья и кусты, каких Дарда никогда прежде не видела. Опытным путем – следя за птицами, она определила, какие плоды и ягоды съедобны. Кроме них, а также орехов и желудей можно было употреблять в пищу некоторые корни. Но этого было недостаточно. Дарда росла, и голод напоминал о себе довольно часто. При том обжорой она вовсе не была, и ела, пожалуй, даже меньше большинства своих ровесниц.

Она возобновила свои занятия с пращей. Хищники сюда не забредали, хотя наверху, как сказал ей Ильгок, бродили волки и шакалы. Но и дичь покрупнее, за которой хищники охотились, также оставалась наверху. Поэтому Дарда не стала заново делать лук со стрелами. Зато она смастерила силки – в дело шли лианы, древесные волокна. Таким образом Дарда могла бы сделать и сети. Но рыбу она предпочитала ловить руками – может потому, что ей просто нравилось купаться, не ожидая обвинений, будто она оскверняет святыню. А что вода холодна, так в горах было холоднее.

Добычу она чистила, разделывала и жарила на камнях, нанизав ее на прутья, или просто на костре, предварительно обмазав глиной. Дома всегда готовила мать, но на пастбищах Дарде приходилось самой о себе заботиться, а кое-чему она научилась, наблюдая за Самлой. Потом они с Ильгоком принимались за еду. Он никогда не спрашивал, как и что ей придется делать, чтобы они были сыты, и не благодарил ее за предложенное, точно так и полагалось. Правда, отец тоже не благодарил мать, но он иногда молился богам и приносил им

жертвы, за то, что они даровали пищу. Дарда не знала, молится ли хваран, и какие у него боги. Она не знала также, как он добывал еду до ее прихода из пустыни. Впрочем, ел он очень мало, еще меньше, чем Дарда, и в основном, растительную пищу. Иногда рыбу. Дарда, которая больше всего любила мясо, никак не могла понять, как можно предпочесть горсть желудей жареному кролику. Ей он по этому поводу ничего не говорил и не давал объяснений. Но смотреть, как он ест, вообще было любопытно. Делал он это деликатно, не перемазывался, не чавкал. Дарду это очень удивляло. Она никогда не видела, чтобы мужчина так ел. Вообще он никогда не выказывал, что голоден. Неужто он и впрямь приучил себя обходиться самой малостью? Вряд ли он здесь охотился. Правда, посох оказался не единственным его оружием. У него был с собой кинжал, которого при первой встрече Дарда не заметила – короткий, с гардой, с каждой стороны загнутой в сторону клинка. Он был очень острый – и, в отличие от бронзового ножа Дарды, выкован из настоящего железа. Но при всех своих достоинствах для охотничьего промысла этот кинжал явно не годился.

Заботы о пропитании не занимали все время Дарды, и она использовала его, чтобы обследовать место жительства, изучить здесь каждый излом стены, каждый камень, каждое дерево. Она нашла более удобный спуск, по которому, вероятно, до нее попал сюда Ильгок, но ей доставляло удовольствие для испытания сил взбираться и спускаться, где придется. Она лазила и по деревьям – это было новое ощущение, в Илае Дарда не могла этого себе позволить. И еще купалась в озере.

По каким-то, ведомым ему причинам, Ильгок решил, что время побоев прошло, и начался новый этап. Теперь он учил ее стоять – просто стоять. Но из-за этой простоты она натерпелась больше, чем раньше.

– Плохо! – кричал на нее Ильгок. – Нельзя скованность, нельзя напряженность. Плечи опусти! Спина прямая! Локти не выворачивать! – И снова следовали удары – по плечам, по локтям, по спине.

А после месяцев "стояния" он стал учить ее двигаться. Но до обучения собственно бою было еще далеко.

Дарде это было все равно. Она никуда не спешила. За это время она кое-что узнала об Ильгоке. Мало, конечно. Так, например, она никак не могла угадать, сколько ему лет. С первого взгляда она сочла его стариком, и действительно, лицо у него было старческое, и такими же морщинистыми были шея и кисти рук. Но когда во время занятий он снимал рубаху, становилось видно, что у него крепкое, несмотря на худобу, и мускулистое тело человека в расцвете сил, а легкости его движений мог позавидовать и юноша. Все это сызнова заставляло усомниться в его смертной природе. Но он был смертен и опасался за свою жизнь. Об этом он сам рассказал Дарде. Она ошиблась, предположив, что он был вынужден бежать из-за убийства, слишком уж склоняясь к тому, чтобы увидеть отражение собственной судьбы. Там, в его родной стране, названия которой Дарда ни за что бы не сумела произнести, какие-то люди пытались свергнуть царя. Это им не удалось, и они были казнены. Казнь угрожала и тем, кто был каким-либо образом связан с неудачливыми заговорщиками. Причем, под словом "казнь" Ильгок, кажется, подразумевал нечто худшее, чем просто смерть. Ему ли не знать – среди заговорщиков были его ученики, и вина их пала на учителя. Не потому ли он говорил об учениках с такой горечью? Однако, ему удалось бежать и переправиться на корабле за море. Но, как сказал Ильгок "сначала бежишь, а потом просто идешь". Он не остался там, где сошел с корабля, а отправился странствовать. Чего он искал, Дарда не знала. Может, ничего. Пешком, с посохом в руке, он прошел огромное расстояние. Путь его не был направлен к определенной цели, и не лежал по прямой. Он петлял, возвращался, иногда снова плыл на корабле вдоль морских побережий, по течениям рек. Порой он задерживался где-то, жил некоторое время, и снова уходил. Он побывал в Калидне, добирался до Дельты, был – и довольно долго – в Каафе. (Кстати, дорога на Кааф, представлявшийся Дарде невоз-

можно далеким, находилась в двух днях пути отсюда). Двинулся в горы, но случайно набрел на спуск и решил пока остаться здесь. Давно ли? Он не сказал. Дарда не спрашивала. Этого не полагалось. В тот первый день Ильгок отвечал на вопросы, потому что еще не принял ее в учебу. Теперь ей полагалось только слушать. Он скажет, что сочтет нужным. Поскольку дома был точно такой же порядок, соблюдать это правило было нетрудно. Она слушала. Из высказываний хварана угадала, что здешние края не пришлись ему по нраву, хотя то, что он говорил о них, бранью тоже нельзя было назвать.

– Не трусы, не глупцы, нет. Но жадные, ко всему жадные. Еда, сила, даже к богам жадные. И все спешат, все хотят что-то делать. Таких везде много, у нас много. Больше, чем других. У вас – все. Так нельзя. Остановиться! Не делать! Когда смотришь – видеть! Ты не видишь. Ты видишь плоды на дереве, а само дерево не видишь. Смотришь, как гору перейти, горы не видишь. Никогда не бываешь в покое, так же, как вы все. Даже думают жадно. Никого я не учил здесь. Все хотят знать – как, никто не хочет знать – зачем. Потому что гордость! Нужно сломать гордость, тогда будет настоящая сила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.